

Еще раз об
ЭТИМОЛОГИИ
рус. *мазурик*
'мошенник'
(в свете культурно-
языкового образа
мазура в славянских
традициях)*

Елена Львовна Березович
Валерия Станиславовна
Кучко

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Once More on the
Etymology of the
Russian Word
Mazurik 'Cheater' (in
Light of the Cultural
and Linguistic Image
of *Mazur* in Slavic
Traditions)

Elena L. Berezovich
Valeria S. Kuchko

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Резюме

В статье обосновывается версия о происхождении русского просторечного слова *мазурик* от обозначения этнографической группы поляков *мазуры* (*Mazury*), относящегося к жителям Мазовии (земли в центральной и юго-восточной Польше), а также переселенцам из этой области в других направлениях, главным образом на северо-восток. Эта версия высказывалась ранее в литературе, но не получала развернутой аргументации. Авторы показывают, что слово *мазурик* входит в обширное семантико-деривационное гнездо с вершиной

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ "Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики" (проект 17-18-01351). Авторы благодарят Н. А. Власкину, Т. В. Володину, А. В. Гуру, М. В. Жуйкову, М. Ляшкевич, Ст. Небжеговскую-Бартминскую, А. Тырпу, которые поделились материалом и ценными соображениями, учтенными при подготовке статьи.

мазур, восстанавливаемое с учетом общенародных и диалектных фактов. С помощью данных лексической системы и фольклора реконструируется языковой портрет мазура в русской традиции, который сопоставляется с языковым стереотипом о мазурах в языке-источнике (польском) и в языках тех народов, которые тесно контактировали с мазурами (украинском и белорусском). Основные черты этих портретов совпадают в названных языках и создают ярко-негативный образ мазура в славянских традициях, что делает "польскую" этимологическую версию семантически правомерной. Кроме того, авторы приводят аргументы в ее пользу с точки зрения словообразования, лингвогеографии и социолингвистических характеристик слов рассматриваемого гнезда. Отмечается, что дериваты гнезда *мазур* испытывают аттракцию к близким по форме и значению лексемам другого происхождения, в частности, к дериватам глагола *мазать*, словам *мурза* и *замурзанный*. Статья содержит комментированный обзор существующих в славянской этимологической литературе версий происхождения рус. *мазурик*. Предложены также мотивационные решения для некоторых других слов, восходящих в конечном счете к польск. *Mazur*.

Ключевые слова

этнолингвистика, славистика, славянская этимология, диалектная лексика, деривационное гнездо, этнолингвистический портрет, контаминация, лексические заимствования

Abstract

The article proves the hypothesis of the origin of the Russian colloquial word *mazurik* as deriving from the name of the Polish ethnographic group *mazury* 'Mazurs' – inhabitants of Mazovia (in central and south-eastern Poland) as well as immigrants from this area to other places, mainly in the north-east. This hypothesis had previously been stated in the literature, but it had not been demonstrated rigorously. The authors show that the word *mazurik* is included in the big semantic word family that is derived from *mazur*, by studies focused on nationwide usage and through dialects. Using data from the lexical system and from folklore, the linguistic portrait of the Mazurs in the Russian tradition is reconstructed, and it is compared with linguistic stereotypes of the Mazurs in the source language (Polish) and the languages of peoples in close contact with the Mazurs (Ukrainian and Belarusian). The main features of these portraits are the same in these languages, and they create a negative image of the Mazur in the Slavic tradition, making the "Polish" etymological version semantically legitimate. In addition, the authors prove this hypothesis from the point of view of word formation, linguogeography, and sociolinguistic characteristics of the words under consideration. It is noted that the derivatives of the word family derived from *mazur* are attracted to the lexemes which have similar form and meaning but different origin, in particular, to derivatives of the verb *mazat'* and the words *murza* and *zamurzannyi*. The article contains an overview with commentary of hypotheses about the origin of the Russian *mazurik* existing in Slavic etymological literature.

Keywords

ethnolinguistics, Slavic studies, Slavic etymology, dialectal vocabulary, derivational word family, ethnolinguistic portrait, contamination, lexical borrowings the Presbyteros

Введение

Словечко *мазурик* употребляется в русском языке в значении ‘плут, мошенник, вор’: “Баба гневно спросила, что я тут делаю, потом объявила мне, что много видала таких «мазуриков», да у ней нечего взять” (Н. А. Некрасов. Петербургские углы); “— Не тебя ли взять в кучера, мазурика этакого? — захрипел Захар” (И. А. Гончаров. Обломов) [БАС₁, 6: 496; БАС₂, 9: 413–414]. Словари русского языка второй половины XX – начала XXI в. трактуют его как факт просторечия, при этом интересно, что два иллюстративных контекста из трех, приведенных в БАС₁, извлечены из произведений “петербургской” литературы (как мы увидим дальше, это неслучайно).

Данная лексическая единица является спорной в плане этимологии: на сей день существует несколько версий относительно ее происхождения, но каждая из них, думается, оставляет проблему открытой. В настоящей статье предпринимается попытка обосновать одну из старых этимологических версий — о связи *мазурика* со словом *мазуры*, обозначающим этнографическую группу поляков, которая включала в себя в первую очередь жителей Мазовии (центральных и юго-восточных земель Польши), а также переселенцев из этой области во многих других направлениях, особенно на северо-восток.

Но статья основана на более представительном материале и, соответственно, имеет более широкую проблематику, чем требуется для реанимации указанного этимологического решения. Это сделано сознательно: мы попытаемся воссоздать — на основе фактов лексической системы и фольклора — черты культурно-языкового образа (стереотипа) мазура. Будут использованы данные народных традиций, носители которых наиболее тесно контактировали с мазурами, — польской, белорусской, украинской и русской (как показала проверка, в других славянских языках соответствующий стереотип выглядит гораздо бледнее или вообще отсутствует, — и это, разумеется, ожидаемо). Создание такого портрета преследует этнолингвистическую цель, давая возможность реконструировать значимый фрагмент народных представлений о территориальных (для поляков) или этнических (для восточных славян) соседях, “родственных инородцах”. Кроме того, такая реконструкция позволит объяснить происхождение не только слова *мазурик*, но и нескольких других слов, которые, по нашему мнению, тоже принадлежат семантико-деривационному гнезду с вершинным словом *мазур* или же являются результатами контаминационных процессов, в которых участвовали лексемы данного гнезда.

Композиция статьи основана на своеобразном челночном движении: осуществив обзор версий происхождения рус. *мазурик*, мы рассмотрим

данные языка-источника (польского) и соседних белорусского и украинского языков, а затем вернемся к фактам русского языка, выявляя специфику семантики, ареальные характеристики изучаемого слова и родственных ему лексических единиц, а также особенности взаимодействия с другими лексемами в русских говорах.

1. Обзор версий происхождения рус. *мазурик*

Как говорилось выше, общепринятой этимологии у изучаемого слова нет (как и у блр. *мазурык* 'то же'). В одних случаях авторы словарей склоняются к какому-либо мнению из излагаемых ниже; в других перечисляют решения, не отдавая никакому предпочтения, в чем чувствуется неудовлетворенность состоянием изучения вопроса (см., например: [ЭСБМ, 6: 64]).

А. Г. Преображенский трактует слово *мазурик* как заимствование из нем. *Mauser* 'воришка' от *tausen* 'воровать' [ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, 1: 502]. Это признается неубедительным по словообразовательным и фонетическим причинам [ФАСМЕР, ТРУБАЧЕВ, 2: 558; ЧЕРНЫХ, 1: 502].

Большинство исследователей предпочитает версию о том, что данное слово относится к гнезду глагола *мазать*, см. [ЧЕРНЫХ, 1: 502–503; ЭССЯ, 18: 32–33; OREL, 2: 651; РЖИЭС: 179–182] и др. При этом в качестве непосредственного производящего разные исследователи выбирают различные лексемы или лексико-семантические варианты слов данного гнезда. Можно выделить три этимологических решения, связанных в конечном счете с *мазать*.

А. И. Соболевский предполагал, что слово *мазурик* образовано от рус. диал. *мазурá* 'порода голубя (не очень ценного)' и имеет первоначальное значение 'невзрачный, с некрасивым лицом', а название голубя образовано от *мазать*, см. об этом в [ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, 1: 502; ФАСМЕР, ТРУБАЧЕВ, 2: 558; ЭСБМ, 6: 164]. Эта версия не принимается последующими комментаторами, которые выбирают другую словообразовательно-мотивационную линию в рамках гнезда *мазать* [ЧЕРНЫХ, 1: 502–503; ЭССЯ, 18: 32–33; OREL, 2: 651]. Авторы ЭССЯ полагают, что можно реконструировать праслав. **mazura* / **mazurъ*, континуантами которого являются, помимо обсуждаемого слова *мазурик*, рус. диал. *ма́зу́ра* 'неопрятный человек, грязнуля', сербохорв. диал. *ма̀зура* 'неженка', словен. *tazúr* 'балованный ребенок', словен. *tazûra* 'замарашка' [ЭССЯ, 18: 32–33]. При этом ЭССЯ не комментирует семантическую сторону данного этимологического решения. Такой комментарий дает П. Я. Черных: *мазурик* производно от формы *мазура*, ср. у Даля: *мазу́ра* 'неряха, чумичка, мазун'. *Мазура*, в свою очередь, образовано от глагола *мазать* при помощи суффикса *-ур-* (в качестве словообразовательной параллели

приводится чеш. диал. *těchura* ‘пирог из кислого теста’). Значение ‘воришка-халтурщик, воришка-неудачник, м а з и л а’ (разрядка П. Я. Черных) слово *мазурик* могло получить в жаргоне городских мошенников — “блатной музыке” или “языке петербургских мазуриков”, — который упоминает В. И. Даль в статье *мазурик*¹. Глагол *мазурить* ‘промышлять карманным воровством’ был образован также от формы *мазура*. В дальнейшем *мазурик* приобрел более широкое значение ‘вор, плут, обманщик’; см. [Черных, 1: 502–503].

Прокомментируем словообразовательный аспект этого решения. Единственный приведенный Черных пример отглагольного образования на *-ur(a)* — чеш. диал. *těchura*² — свидетельствует о редкости такой модели в славянских языках. Это подтверждается тем, что в “Очерке праславянского словообразования” Ф. Славского суффикс *-ur-* в отглагольных образованиях представлен единичными примерами, ср. *peřura*, *peřurka* ‘гриб шампиньон, *Agaricus campestris*’ от *pekti* ‘печь’, *pyzdura* ‘глупость, вздор’ от *pyzděti* ‘bździeć, pedere’, чеш. диал. *chod’ura* от *chod’it’* [Sławski 1976: 27]³. В русских говорах, по данным обратного индекса к первым 25 выпускам СРНГ [RI], отглагольные лексемы с суффиксом *-ур-* тоже раритетны, ср. разве что тамб., пенз. *некур* ‘маленький горшок, чугунок’, костр. *некура* ‘печка’ [СРНГ, 25: 320], но при развитой вариативности суффиксов (подобный горшок, к примеру, может называться *некуша*, *некун*, *некуль* и пр.) словообразовательная автономность слов *некур* и *некура* весьма сомнительна.

Тем не менее, хочется обратить внимание на несколько языковых фактов, которые могут претендовать на статус семантически “бесспорных” дериватов корня *маз-* с этим суффиксом. Во-первых, это слова восточнославянских языков, обозначающие грязного (вымазавшегося в грязи) человека: ср., к примеру, без указ. места *мазура* ‘неопрятный человек’ [ДО: 108], влг. *мазурик* ‘неопрятный, грязный человек’: “Привела к тебе мазурика, где и измазался эдак” [СВГ, 4: 67], пск. *мазурка* ‘грязный, неряшливый человек’ [ПОС, 17: 325]⁴, блр. *мазур* ‘с запачканным

¹ Как известно, В. И. Даль записывал и изучал условный язык петербургских мошенников (*мазуриков*), см. об этом [Бондалетов 2012: 140–179]; в словаре этого языка, составленном Далем, слову *мазурик* дается дефиниция ‘мошенник, из наших’ [ИВД.: 148].

² Вероятно, от чеш. *míchat* ‘мешать, смешивать’; см. образование от этого глагола с более продуктивным суффиксом — *těchačka* ‘мешалка’ [Маснек 1968: 365].

³ Для дальнейшего изложения (в ходе которого будет затрагиваться этимология польск. *Mazur* ‘житель Мазовии’) важно то обстоятельство, что в некоторых славянских языках суффикс *-urъ* встречается в экспрессивных словах (чаще всего с пейоративным оттенком), например, польск. диал. *lisiur* ‘лиса’, чеш. диал. *kijur / kuj* ‘палка’ [Sławski 1976: 26].

⁴ Подробнее русские диалектизмы такого рода представлены в разделе 5.2 настоящей статьи.

лицом, грязный, смуглый', укр. *замазура* 'то же' [ЭСБМ, 6: 164] и др. — при наличии бессуфиксальных образований вроде пск. *ма́за* 'неряшливый человек, грязнуля' [ПОС, 17: 316]. Во-вторых, это южнославянские обозначения избалованного, изнеженного человека (того, кого "мажут" → гладят → балуют, ласкают): сербохорв. диал. *мазура* 'неженка', словен. *mazúr* 'балованный ребенок' [ЭССЯ, 18: 32–33], ср. с этим же корнем рус. диал. *маз* 'любовник', чеш. *mazlivý* 'избалованный', сербохорв. *мазница* 'неженка, любимица' [Ibid.: 32–33, 35].

Если же оценивать версию о производности *мазурика* от *мазать* с точки зрения семантики, то надо признать, что не до конца ясен вопрос о развитии значения 'вор, мошенник, обманщик'. Предлагаемая П. Я. Черных семантическая цепочка 'грязнуля' → 'мазила, неудачник' → 'воришка-неудачник' → 'вор, мошенник' кажется искусственной конструкцией, тем более что два срединных звена не фиксируются словарями. Основанием для появления "обманных" и "мошеннических" значений у *мазурика* может служить скорее смысловой потенциал глагола *мазать*, ср., например, твер. *мазать* 'обманывать, надувать' [СРНГ, 17: 294], пск. *мазать* 'лестью располагать к себе', 'врать' [ПОС, 17: 318–319].

Существует еще одна гипотеза о происхождении *мазурика* от *мазать*, однако последний рассматривается в специализированном значении. В историко-этимологическом словаре "Русский жаргон" М. А. Грачева и В. М. Мокиенко высказывается мнение о том, что просторечное слово *мазурик* произошло от офенских лексем *маз* 'я', *мазыка* 'офеня, торговец', а они — от глагола *мазать* 'рисовать'. *Мазыками* офени называли также художников-богомазов из владимирских деревень, рисующих иконы для продажи. Предполагается, что у офеней существовало выражение *ходить по мазы́ке* 'скупать у иконописцев иконы с целью их перепродажи', которое затем получило значение 'мошенничать, плутовать' и могло трансформироваться в *ходить по му́зыке* 'совершать преступления'. В современном аргю сохраняются слова *маз*, *маза* 'главарь воровской шайки' [РЖИЭС: 179–182]⁵.

Данная версия, помимо нерешенной проблемы словообразования, ставит перед нами новые вопросы из области семантики: причины, по которым от глагола *мазать* 'рисовать' образуется у офеней обозначение богомазов, кажутся ясными, однако в рамках изложенной выше версии остается непонятным, почему от этого же глагола образуются и самоназвания офеней. Можно предположить, что слова *маз*, *мазыка* 'офеня' имели первоначальное значение 'тот, кто скупает и перепродает иконы' ←

⁵ Подобные жаргонные и арготические слова фиксировались и в источниках конца XIX – начала и середины XX в., ср. *маз* 'опытный во всех отношениях вор' [СРВС, 1: 40], *мазьё* 'мошенники, воры' [Ibid.: 21], *мазь* 'мошенник высшей марки' [СРВС, 4: 31] и др.

‘тот, кто рисует иконы’, но в свете широкой семантики арготических слов *маз*, *маза*, *мазь* ‘опытный вор, мошенник’ это объяснение кажется неудовлетворительным. И еще один вопрос, более острый: если считать, что перед нами факт внутриарготической деривации (*маз* → *мазурик*), то неясно, почему именно производное слово *мазурик* широчайшим образом распространено в народных говорах и общенародном просторечии (см. далее), тогда как его предполагаемое производящее *маз* не употребляется вне рамок корпоративных социолектов.

Наконец, последняя версия (последняя для этого обзора, но одна из первых хронологически) происхождения слова *мазурик* основана на предположении о том, что пред нами полонизм, который возник из обозначения этнографической группы поляков. Автором этой версии является, по всей видимости, А. Брюкнер [BRÜSKNER 1914: 214]; она транслируется, в числе прочих, со ссылкой на Брюкнера в [ФАСМЕР, ТРУБАЧЕВ, 2: 558; ЭСБМ, 6: 164; OREL, 2: 651]. А. С. Герд в своих “Материалах для этимологического словаря севернорусских говоров” приводит близкие *мазурику* диалектные слова вроде влг., карел., ленингр. *мазу́рик*, *мазу́рник* ‘озорник’ и др. (подробнее см. в разделе 4 настоящей статьи), указывая для них в качестве источника как польск. *Mazur* ‘житель Мазовии’, так и блр. *мазу́рик* ‘грязный, смуглый человек’ [Герд 2004: 228]. Возможность образования *мазурика* от *мазур* ‘поляк’ отмечал и В. И. Даль (наряду с версией о производности изучаемого слова от *мазуля* ‘замарашка, оборванец’) [Даль, 2: 295]. Все эти источники ничего не говорят о смысловых связях между польск. *Mazur* и рус. *мазурик* ‘жулик’. Кажется, единственный комментарий, где связь между польским и русским словом толкуется чуть более пространно, с указанием возможных путей проникновения польского слова в русский язык, принадлежит фольклористу П. В. Киреевскому (см. далее, в разделе 5.1), однако этот комментарий находился вне этимологической полемики и не получил должного признания у специалистов.

Итак, отсутствие мотивационного фундамента ослабило “польскую” версию в глазах последующих интерпретаторов и заставило искать другие решения.

Поиск мотивации для данной версии будет осуществлен в рамках настоящей статьи. Для этого, как говорилось выше, мы обратимся сначала к предполагаемому языку-источнику (польскому), а также белорусскому и украинскому языкам, попытаюсь проанализировать подробно значение слова *Mazur* (*мазур*) и собрать на межъязыковом уровне семантико-деривационный комплекс слов, восходящих к обозначению мазуров.

2. *Mazur* (мазур) в польском, украинском и белорусском языках: слово и стереотип

Стереотип мазура (польск. *Mazur, Mazurek*) в польской культурно-языковой традиции, а также история соответствующего слова не могли не привлечь внимание исследователей. Особо следует выделить две обстоятельные публикации — работу Яна Станислава Быстроны “*Mazurzy w opinii sąsiedzkiej*” (“Мазуры глазами соседей”), имеющую фольклорно-этнографическую направленность [BYSTROŃ 1935], а также статью Анны Тырпы “*Losy etnonimu «Mazur»*” (“Судьбы этнонима *Mazur*”), в которой данное слово рассматривается в совокупности его лексико-семантических вариантов и дериватов в разных разрядах нарицательной лексики и ономастики (в антропонимии, топонимии, хрематонимии и др.) [ТЫРПА 2006]. В ходе последующего изложения мы будем нередко обращаться к этим трудам.

2.1. О происхождении слова *Mazur*

Существует несколько точек зрения на происхождение названия *Mazury* (*Mazurzy*) ‘мазуры’. По мнению одних исследователей (Я. Сембжицкий, А. Брюкнер), *Mazur* этимологически восходит к топониму *Mazowsze* (в плане словообразования см. *kocur* от *Kociwie*) [BRÜCKNER 1957: 326]. Несколько версий утверждают неоттопонимическое происхождение изучаемой лексемы. Согласно одним из них, слово является заимствованием; по другим, оно связано с *tazać, taż* (З. Глогер): мазуры жили в сосновых борах, добывали смолу — и с м а з ы в а л и ею оси своих телег, см. [ТЫРПА 2006: 182]. Другое мотивационное решение в рамках “мажущей” линии предлагает А. Гейстор: в зоне проживания мазуров были особые почвы — сродни липкой грязи, см. [Ibid.]. Есть и другие мнения относительно происхождения слов *Mazowsze* и *Mazury*; сводки разных версий представлены в [ЕСУМ, 3: 360; ЭСБМ, 6: 64; ТЫРПА 2006: 181–182].

2.2. Значения имени, связанные с территориальными группами населения

Кроме мазовшан — жителей Мазовии — слово *Mazury* может называть группы людей, проживающих и на некоторых других территориях. Такие обозначения появляются по разным причинам, из которых чаще всего срабатывают две: расширение семантики катойконима (распространяющегося на население соседних земель) вследствие естественных процессов расширения пространства, где проживает коллектив носителей имени, и/или метонимических переносов с части на целое; перенос имени на жителей несмежных территорий (либо из-за того, что туда переехал кто-то из носителей имени; либо на основе сходства каких-либо поведенческих, бытовых, языковых и прочих черт). Названные

процессы (результаты которых далеко не всегда можно отделить друг от друга) характерны для многих катойконимов, но в связи со словом *Mazury* они особенно активны — главным образом из-за того, что на протяжении столетий происходила мощная экспансия мазуров в различных направлениях, особенно в северном и северо-восточном; при этом мазуры заселяли не только соседние территории, но и появлялись на землях весьма отдаленных⁶ — например, в разных зонах современной Украины, в Восточной Пруссии etc. [ВУСТРОЊ 1935: 223; ТУРА 2006: 181, 184, 190 и др.]. Неслучайно в говорах окрестностей г. Бучач⁷ слово *ma-dzur* имеет значение ‘колонист, поселенец’ [ТУРА 2006: 187].

Следы такой экспансии мазуров отражены и в польском фольклоре. Так, одна из легенд, приводимых О. Кольбергом, повествует о том, что “*nosił djabeł po świecie wór Mazurów*” (‘носил дьявол по свету мешок с мазурами’): из дырок в мешке мазуры выпадали то на Волыни, то на Подоле, то в Литве. Дьявол заметил эту беду только под Цеханувом (город в Мазовецком воеводстве). Он разгневался и ударил мешком о землю. Там мазуры повылезали из мешка и осели (изложено по: [ТУРА 2006: 181]).

Анализ вторичных катойконимов, производных от слова *Mazur*, свидетельствует о том, что в языковом сознании жителей территорий, соседствовавших с Польшей, могло происходить уравнивание значений слов “мазурский” и “польский”, “мазур” и “католик” (см. [ТУРА 2006: 190], а также материал, приведенный в сноске 6). Неслучайно в энциклопедии верований белорусов в статье “Палякі” в качестве синонимов заглавному слову даются *ляхі, мазуры* [МифБ: 346]. С другой стороны, сложные исторические судьбы мазуров и непростые взаимоотношения с окружающими этническими и территориальными группами предопределили случаи, когда мазуры выделяются в глазах соседей из числа поляков; к примеру, в старобелорусском контексте (1549) говорится о “кривдахъ ихъ незносныхъ, которыи мають от пановъ Поляковъ и от пановъ Мазовшанъ” [ГСБМ, 17: 225]⁸. Приведем также некоторые

⁶ Так, имя *Mazur* (*мазур, мадзур, мазурія* etc.) применяется по отношению к людям, прибывшим из Мазовии или Малопольши и при этом говорящим польски, не русинам (польск.) [SW, 2: 907], к жителям нескольких деревень в бассейне р. Нотец (приток Варты); жителям одной из областей Силезии, переселившихся из Карпатской Буковины; населению контактных польско-украинских зон Подлясья; польским крестьянам в окрестностях Гродно; любым католикам Хелмского повета, участвующим в богослужениях на латинском языке [ТУРА 2006: 181–184, 187]; к полякам вообще (укр.) [ЕСУМ, 3: 360]; к украинцам, исповедующим католичество [ивид.: 360]; к так называемым “чернорусам” [Носович, 1: 277] и др.

⁷ Город в Тернопольской области, который находился на территории Галиции.

⁸ В пределах Польши, разумеется, противопоставление “поляк — мазур” встречается очень часто (см., к примеру, контексты в [НКРР, 2: 418]); есть такое противопоставление и собственно в Мазовии, где, например, разграничивается речь “польская” и “мазурская” (см. в [SGOWM, 4: 117]).

русские контексты из [НКРЯ]: “[Ремарка:] Входят музыканты — жида, мазуры, поляки и русские, и начинается дивертисмент” (А. С. Грибоедов, П. А. Вяземский. 1823); “Это происходило в крошечном пограничном местечке Красилове, очень грязном и очень скучном, населенном тысячами тремя евреев и крестьян-мазуров. . .” (А. И. Куприн. 1895).

2.3. Черты мазуров в зеркале наивного культурно-языкового сознания

Языковые и фольклорные данные позволяют воссоздать довольно подробный портрет мазура. Представим этот портрет, но не полностью, а с особым вниманием к тем признакам и мотивам, учет которых в той или иной мере значим для решения задач, поставленных в настоящей статье.

Черты, которые выделяются в физическом облике мазура, являются по преимуществу необычными, “иномирными”, роднящими его с другими “популярными” инородцами.

В первую очередь это слепота, которой Быстроень посвятил специальный раздел своей работы о мазурах [Bystroń 1935: 214–216]. Мазуров дразнят: *Ślepy Mazur*, “Mazury ślepaکی, niezdarne jak raki” (‘Мазуры слепцы, неуклюжие, как раки’) и др. [VENEDUKTOWICZ 2000: 132; НКРР, 2: 419]. Поляки и белорусы считают, что мазуры рождаются слепыми, как щенята или котята, и сохраняют это свойство до 3-го, 7-го или 9-го дня [Белова 2006: 113; БелФ, 2: 81; МифБ: 346]; порой, по мнению поляков, мазурам (как и евреям) может потребоваться человеческая кровь, чтоб открыть глаза своим новорожденным [Белова 2006: 113]; ср. польск. “Mazur się ślepo rodzi” [НКРР, 2: 419], блр. “Мазуры родзяцца сляпыя”, “Мазур да сёмага дня сляпы” и т. п. [МифБ: 346]. В Польше распространено присловье “Ślepy Mazur od ciemnej gwiazdy” [НКРР, 2: 420]: если учесть, что рождение человека под какой-либо звездой определяет его судьбу — счастливую или несчастливую, то слепой мазур, который, по народным представлениям, есть “худший сорт” человека (“podlejszy gatunek człowieka”), родился под темной звездой [Bystroń 1935: 215].

С представлениями о слепоте (“темноте”) мазуров перекликаются верования, согласно которым мазуры имеют черную глотку (н ё б о): польск. “U Mazura czarna gura” (‘У мазура черная глотка’: в комментариях указано, будто бы так дразнил литвин мазура) [НКРР, 2: 420], блр. “У кожнага мазура чорнае паднябенне” [МифБ: 346]. Этот признак часто приписывают “демонизируемым” инородцам: сами мазуры — “литвинам” и “жмудзинам”, краковяки — гуралям, поляки — цыганам; в русской традиции *чернонёбыми* называют жителей Коломны [Белова 2006: 45; ЕАДЕМ 2012: 515]. В белорусском языке есть слово, заставляющее предположить, что чернота мазуров может “визуализироваться”,

проявляясь не в “невидимой” глотке, а в лице: блр. *ма́зур* ‘тот, у кого темная кожа; от природы черный лицом’: “Ён і радзіўся такім мазурам” [Носович 1870: 277; Станкевич: 665; ЧТС: 258]. Это слово связано с рядом других, имеющих значения *загрязненности*: блр. диал. *ма́зур* ‘замарашка; тот, кто ходит не моясь, с замаранным лицом’: “Помый ты гетаго мазура” [Носович 1870: 277; Шатэрнік 1929: 153], диал. *ма́зуром* (в знач. нареч.) ‘замаравшись’ [Носович 1870: 277], *мазура́ка* ‘грязнуля, неопрятный человек’ [ЭСБМ, 6: 64]. Авторы ЭСБМ (подавая *мазур* ‘замарашка’ как омоним к *мазур* в территориально-этническом значении) полагают, что слова с семантикой *загрязненности* являются образованиями с суффиксом *-ур-* от *мазаць* [ІВІД.]; аналогичной версии придерживаются авторы ЕСУМ, рассматривая укр. диал. *мазу́р*, *мазура́ч* ‘грязнуля’, *мазури́стий* ‘о белой овце с черными пятнами у глаз’ [ЕСУМ, 3: 358, 360]. Представленные этимологические выкладки вполне убедительны (особенно если вспомнить о словен. *mazûra* ‘замарашка’, см. раздел 1 настоящей статьи), но в то же время для этих слов (возможно, части из них) есть смысл предполагать вторичное притяжение к этнониму (катоикониму) *мазур* или даже семантическую деривацию от последнего; см. рассуждения о подобных контаминациях на русском материале, где более наглядны семантические связи между словами, восходящими к польск. *Mazur*, и продолжениями **mazati* (раздел 5.2 статьи). Для блр. *ма́зур* ‘от природы черный лицом’ обоснованием для такой смысловой связи служат представления о “черноте” мазуров, которые воспринимаются территориально-этническими соседями как мифологизируемые чужаки (а черный цвет — классическая примета инородца в мифопоэтической картине мира славян, см. [Белова 2012: 515]).

Наконец, заканчивая описание физических черт мазура, отметим, что его “особость” обеспечивается даже специфическим типом черепа: *mazurskim* называют череп “короткоголовых” людей [Турра 2006: 187].

Перейдем к описанию психических, интеллектуальных и социальных качеств мазуров.

Мазур имеет низкий интеллект и уровень образования: польск. *mazur* ‘человек необразованный, простак’ [SW, 2: 907], мнихув. *gadanie mazurskie* ‘глупый вопрос’ [Турра 2006: 188]. Простодушие и бесхитрость мазуров, которые приписывают им поляки и белорусы (см. об этом в [Белова 2006: 139–140]), парадоксальным, но вполне объяснимым образом могут сочетаться в них с хитростью. Это качество так значимо в культурно-языковом портрете мазуров, что Быстронь посвятил ему целый раздел своего исследования [Быстро́й 1935: 222–223], отметив, что, по народным представлениям, слепой мазур, прозревший лишь на десятый день, мог тем не менее всех

провести, обмануть [BYSTROŃ 1935: 222]. Говорили, что если мазура берут в услужение, то в первый год все смеются над ним, на второй год он смеется над другими, а в третий год — и над самим хозяином [IBID.]. Мазур может перехитрить самого дьявола: “Mądrzejszy Mazur niż diabeł” [НКРР, 2: 419]. При этом в соединении хитрости и наивности, присущем мазуру, первая легко уступает место второй: укр. подляс. *Мудрий Мазур!* ‘о том, кто тщетно пытается обмануть кого-либо’ [Номис 1993: 168, № 3065].

Из хитрости мазуров вытекает их жуликоватость: блр. разг. *мазурьк* ‘мошенник, жулик’ [ТСБМ, 3: 85], мсцисл. *як мазурьк* ‘про хитрого, жуликоватого человека’ [СБНП: 251]. Последняя тянет за собой и вороватость, которая, по всей видимости, отражена в названии полевого воробья (известного тем, что он “ворует” зерно): польск. *mazurek* ‘полевой (красноголовый) воробей’ [SW, 8: 732], бучач. *madzur* ‘то же’ [ТУРРА 2006: 188], укр. надднестр. *мазур* ‘воробей’ [Шило 2008: 165], блр. *мазурак* ‘полевой воробей’ [ЖС: 41] (далее метонимически — укр. *мазур*, *мазурок* ‘воробей горный, *Fringilla montana*’ [Гринченко, 2: 397]). Для обозначения воробья есть характерный номинативный дублет, апеллирующий к образу другого хитрого “чужака”: польск. *żydek* ‘полевой (красноголовый) воробей’ [SW, 8: 732], укр. полес. *жид*, *жидок* ‘воробей’ [Аркушин, 1: 155], блр. диал. *жыд*, *жыдок*, *жыдзюк* ‘то же’ [ЖС: 41].

Простоватость мазуров тесно соседствует с их “дикостью”, ср. польск. ю.-вост. *mazur* ‘тот, кто живет вдали от людей, в лесу, не привык к обществу, не умеет себя вести’ [ТУРРА 2006: 187]. Слово *Mazur* употребляется с устойчивым эпитетом *dziki* [BYSTROŃ 1935: 215].

Из “неотесанности” мазуров вытекают их убожество и нищета, представления о которых широко отражены в польском фольклоре [BYSTROŃ 1935: 199–202, 221–222]. Так, “богатство” мазуров высмеивается в песне “Oto ja Mazur tego bogaty”, в которой рисуется мазур в пестром, аляповатом кунтуше, но при этом подвязанный поясом из грубой конопли [IBID.: 221–222]. В другой песне говорится о том, что мазурские невесты не имеют приданого: “Ożeniłem się na Mazowszu, Wziąłem w posagu trzy ćwierci owsu” (‘Женился на Мазовше, Взял в приданое три четверти овса’) [IBID.: 201]. Показательна поговорка “Rozśmiał się by Mazur na żemłę” (‘Обрадовался, как мазур белой булке’: в комментарии указано, что в “убогой” Мазовии белый хлеб был большой редкостью) [НКРР, 2: 420]. В системе польского языка представления о непрехотливом быте мазовшан тоже находят отражение, воплощаясь в ряде шуточных номинаций: у мазуров не хорошие лошади, а жалкие клячи (силез. *mazur* ‘негодная худая кляча’ [ТУРРА 2006: 188]); вместо куриц у них грачи (*mazowieckie kury* ‘грачи’ [SW, 2: 907]); у них неровные и разбитые

дороги (мазовецк. *mazurski tracht* “мазурский тракт” ‘каемка на фартуке’ [ТУРРА 2006: 189]).

Другая грань “дикости” мазуров — не обузданность, злобность, драчливость: польск. “Zawzięty (zacięty) jak Mazur” (‘Ожесточенный, яростный, как мазур’), “Uparty, jak Mazur” (‘Упертый, как мазур’), “Niechaj go, bo to Mazur” (‘Оставь его в покое, ибо он мазур (скандалист, авантюрист)’), “Zły jarmark na Mazurach, kiedy tylko pięciu zabiją” (‘Плоха та ярмарка у мазуров, если убьют только пятерых’) [НКРР, 2: 419–420], блр. “Мазуру біцца, так як людям хлеб з маслам з’есць” [МифБ: 346]. В этом контексте упомянем и бытующее у поляков представление о том, что целые семьи мазуров жили разбоем на дорогах [ВУСТРОЊ 1935: 215]. Возможно, обсуждаемые черты мазуров нашли косвенное отражение в опольск. *mazurek* “каталажка”, камера для арестованных; будка ночного сторожа’ [ТУРРА 2006: 189].

С названными свойствами “рифмуются” склонность мазуров к пьянству (польск. варшав. *mazowiecki pacierz* “мазовецкая молитва” ‘водка’ [НКРР, 2: 418], “Skogo Mazur podpije, wnet chłopa zabije” (‘Как мазур напьется, так мужика <крестьянина> убьет’) [ІВІД.: 420]; см. также [ВУСТРОЊ 1935: 203–206]) и их сексуальная “дикость”, похотливость (блр. “Мазур юрлівы, за дзеўкамі як кныр бегае” [МифБ: 346]).

Представления о драчливости мазуров отражаются и в “военных” мотивах, присутствующих в воссоздаваемом культурно-языковом портрете. Говоря о воинственности мазуров, Быстро́нь цитирует стихотворение польского поэта XVI–XVII вв. К. Мясковского “Na schwal Mazurów”, в котором мазовецкая шляхта сопоставляется с татарской ордой [ВУСТРОЊ 1935: 199]. Белорусский фольклорный образ мазура обнаруживает сходство с образом солдата (в том числе польского), рекрута, казака [БелФ, 2: 81]. Возможно, апелляция к образу солдата, казака метафорически зашифрована в польск. люблин. *mazur, mazurek* ‘гриб подосиновик, *Leccinum aurantiacum*’ [ТУРРА 2006: 188]. На эту мысль наводят параллельные польские диалектные названия этого гриба — *ulan* [МАРСЗУК 2003: 85], *moskalik* [ТУРРА 2011: 109]. Как свидетельствуют различные исторические источники, униформа польских военных нередко включала в себя элементы красного цвета (к примеру, полковым цветом польских уланов Наполеона был темно-красный, который присутствовал на верхней части конфедератки, а также на воротнике, лацканах, фалдах мундира, лампасах брюк). Показательно и то, что подосиновик имеет ряд “солдатско-инородческих” обозначений за пределами польского языка: блр. диал. *паніч* [РАСС: 277], *маскаль* [ЭСБМ, 6: 246], серб. *турчин, козак* [СИМОНОВИЋ 1959: 73], рус. яросл. *казачок* [ЛКТЭ]. Получается, что представления о ценном крепком грибе с красной шляпкой

находят удачное воплощение через образ бравого, молодцеватого солдата-инородца⁹. Возможно, “военные” ассоциации проявляются также в белорусском и украинском вариантах шуточной песни, где мы вновь встречаем наложение портретов москаля и мазура¹⁰: блр. “Ой, маці, маці, мазур у хаці” [БелФ, 2: 81] // укр. “Ой, мати, мати, москаль у хаті” [ЖП].

Говоря о социально значимых свойствах мазура, нельзя не отметить его специфическую речь. *Мазурение* (польск. *mazurzenie*) — фонетическое явление в ряде польских диалектов, в полабском языке и в некоторых восточнославянских говорах северо-восточной Польши, при котором смешиваются шипящие и свистящие согласные. Однако в наивном языковом сознании соседей мазуров это не просто феномен диалектной фонетики. С одной стороны, мазурение вписывается в народную этиологию: согласно легенде из Западной Белоруссии, мазуры начали шепелявить оттого, что “в начале света” предок мазуров потерял зубы в драке с чертом [Белова 2006: 147]. С другой стороны, оно имеет яркую экспрессивно-негативную оценку, ср. польские метаязыковые контексты: “U nas młody naród inaczej już gada, lepi po polsku nie tak po mazursku, polska mowa jest piękna, ale ta mazurska bary brzyska” (‘У нас молодежь уже иначе говорит, лучше <говорит> по-польски, не так уж по-мазурски, польская речь прекрасна, а эта мазурская — ужасная’) (жешув.) [Бондаренко 2016: 293]; “Joj! Nie zaciągaj tak brzydki jak pu mazursku” (‘Ой! Не растягивай слова так уродливо, как по-мазурски’) [Турра 2006: 188].

В целом ряде языковых и фольклорных фактов, приведенных выше, в той или иной мере была ощутима оценка (обычно пейоративная), которую дают мазурам их соседи. Есть и такие факты, где негативная экспрессия доминирует, — и можно говорить о том, что они выражают обобщенную оценку рассматриваемого феномена. К примеру, подобная оценка проявляется в паремиях типа польск. “Dobry człowiek, ale Mazur” (‘Хороший человек, хоть и мазур’) [НКРР, 2: 418], укр. “Ой жур, мати, жур! ліпший Русин, як Мазур” [Номис 1993: 549, № 12531]. Показателен и сюжет шуточного стихотворения о том, что мазура укусила в ногу змея: мазуру ничего не сделалось, а змея сдохла от его крови; комментируя этот текст, Быстронь отмечает, что то же самое рассказывают о жемайтах [Bystron 1935: 215]. Вариативность этнических образов, которую мы наблюдали и ранее (польск. *mazurek* = *żydek* ‘полевой воробей’, *mazurek* = *moskalik* ‘гриб подосиновик’), — верный признак явления ксеномотивации, под которой понимается воплощение

⁹ Сказанное, вероятно, помогает найти ключ и к объяснению укр. *мазу́рок* ‘вид гриба’ [ЕСУМ, 3: 360], которое ЕСУМ считает неясным, предполагая (без объяснений) возможную связь с названием этнической группы *мазуры* [ibid.].

¹⁰ О таких ассоциациях в связи с образом москаля см.: [Березович, Кривошапова 2015].

обобщенного представления о чужом в мотивировках слов и фразеологизмов, при этом чужое чаще всего трактуется как примитивное, некультурное, дикое, аномальное, неправильное и пр., см. [БЕРЕЗОВИЧ 2007: 407]. Данное явление наблюдается обычно в коннотативном поле тех этнонимов или катойконимов, которые обозначают наиболее “актуальных” для народа-номинатора чужаков — тех, кто обнаруживает самую высокую степень “непохожести”, конфликтности и т. п. Очевидно, мазуры входят в их число.

Отмечаются еще случаи ксеномотивации, отраженной в словах, являющихся семантическими дериватами на основе обозначения мазуров. Это в первую очередь названия насекомых, служащие обычно ярчайшими примерами ксенономинации [БЕРЕЗОВИЧ 2007: 426–432]. Среди них наименование таракана *Blatta germanica* — польск. варм.-мазов. *mazur*, входящее в ряд других “тараканьих” ксенонимов, которые отмечены в варминско-мазовецких говорах: *hiszpan*, *góral* ‘гураль’, *jarones*, *moskal*, *szwab* [AGM: 81–82]. Такой распространенный ряд номинативных дублетов наилучшим образом свидетельствует о том, что в номинациях учитываются не конкретные этнографические особенности членов этого “парада наций”, а признаки, ассоциирующиеся со всеми недружественными инородцами, — “появление во множестве”, “вредоносность”, “нежданное вторжение”. Помимо тараканов, в мазурском “обличье” выступают сверчки и пчелы: польск. *mazurek* ‘сверчок’ [SW, 2: 907], силез. *mazurka* ‘пчела’ [Тырпа 2006: 188]. Возможно, толчком для этих номинаций стал признак издаваемых насекомыми “невнятных” (свистящих и шипящих) звуков, которые сравниваются с речью мазуров (в качестве параллели к названию сверчка можно привести его болгарское диалектное обозначение — *цйганка* [Теллалова 1996: 577]).

Таким образом, обнаружение для ряда “мазурских” номинаций номинативных параллелей, образованных от других этнонимов, позволяет предполагать, что перед нами ксенонимы, в основе которых лежит обобщенная оценка чужого.¹¹ Этим материалом уместно завершить краткий обзор языковых (по преимуществу)¹² и фольклорных данных,

¹¹ Позволим себе не согласиться с мнением А. Тырпы, считающей, что “мазурские” слова со значениями ‘воробей’, ‘сверчок’, ‘пчела’, ‘гриб’ являются нейтральными в плане своей экспрессии [Тырпа 2006: 190].

¹² В наш обзор не попал целый ряд лексических единиц — в первую очередь тех, которые характеризуют материальную и духовную культуру мазуров. Дадим небольшую выборку фактов такого рода — с целью показать многогранность воссоздаваемого по языковым данным портрета и значимость образа мазура в культурно-языковом сознании поляков, украинцев и белорусов. Кушанья, напитки: польск. *mazur* ‘мазовецкое пиво’ [SW, 2: 907], *masło mazurskie*, *śmietana mazurska*, *kielbaza mazurska* [Тырпа 2006: 188], диал. *mazur* ‘оладья из тертого сырого картофеля, запеченного в печи’ [ивид.: 188], *mazurek* ‘вид сладких пирогов с миндалем и маком’ [SW, 2: 907], *mazurek*, диал. *mazur* ‘вид пасхальной

позволяющих реконструировать стереотип мазура в польском, украинском и белорусском языках. Говоря о доминанте этого стереотипа, можно привести слова Е. Бартминьского, утверждавшего, что поляки центральной Польши в прошлом трактовали мазура “почти как «нечеловека»” [БАРТМИНЬСКИЙ 2005: 181].

Слово *мазур* и соответствующий стереотип проникли также в русскую культурно-языковую традицию — и это проникновение, как можно предполагать, осуществлялось как напрямую из польского, так и через украинское или белорусское (что более вероятно) посредничество. Очевидно, это относится и к *мазурику* (если считать его производным от *мазура*). Чтобы проверить эти предположения, следует изучить лингвогеографические и социолингвистические характеристики лексем.

3. *Мазурик* в русском языке: социолингвистическая и лингвогеографическая характеристика

Первоначально слово *мазурик* было распространено, по-видимому, на территории русского северо-запада и центральной России, ср. фиксации XIX в.: петерб. *мазу́рик* ‘вор, мошенник’, пенз. *мазу́рник* ‘то же’ [Опыт: 109], пск. *мазу́рик* ‘нахал, наглец, пересмешник, зубоскал’ [ДО: 108], новг., пенз., пск. *мазу́рик*, *мазу́рник* ‘карманный вор, комнатный и уличный в городах, особ. в столицах’, пск. *мазу́рничать* ‘вести себя мазуриком, наглцом, пересмешником’ [Даль, 2: 752].

История русского языка XIX–XX вв. хранит наблюдение о том, что слово *мазурик* воспринималось в первую очередь как петербургское в отличие от московского *жулик*. Показательно, что М. И. Михельсон, составляя статью на слово *мазурик*, подает его так: *мазурик* (*петербургский*); при этом приводится контекст из П. И. Мельникова-Печерского: “Улыбнулись часики, достались московским жуликам либо петербургским мазурикам” [Михельсон, 1: 530]. Об этом говорит и замечание из записанной Е. З. Барановым в 1928 г. в Москве городской легенды: “Какой жулик лучше — московский или петербургский? Только в Петербурге

выпечки’ [Турра 2006: 188], укр. *мазу́рок* ‘сладкое печенье, приготовляемое преимущественно к Пасхе’ [Гринченко, 2: 397], полес. *мазу́рка* ‘испеченная в Пасху булочка витой формы’ [Аркушин, 1: 301], блр. центр. *мазу́рэк* ‘пирог из песочного теста’ [СЦРБ: 222]; культурные растения: польск. диал. *mazurek* ‘картофель’ [SW, 2: 907], укр. диал. *мазу́рки* ‘сорт яблок’ [ЕСУМ, 3: 360], надднестр. *мазу́рка* ‘сорт рябой фасоли’ [Шило 2008: 165]; приспособления, инвентарь: польск. *mazur* ‘местный мельничный жернов’ [SW, 2: 907] и др. Что касается названий из области духовной культуры, то здесь, разумеется, стоит напомнить об обладающей широчайшей известностью далеко за пределами Польши мазурке — как танце, так и музыкальном произведении в танцевальном ритме; соответствующие слова фиксируются как в литературных языках, так и в диалектах (например, польск. *mazur*, *mazurek*, *mazurka* ‘музыкальное произведение мазурка’, блр. сев.-зап. *ма́зур-пóлька* ‘танец мазурка’ [СПЗБ, 3: 12], укр. *ма́зур* ‘то же’ [Гринченко, 2: 397]).

называют не *жулик*, а *мазурик*. Ну да, честь одна: что в лоб, что по лбу” [Московские легенды: 68]. Ю. С. Сорокин комментирует ареальные характеристики слов *жулик* и *мазурик* в своей книге о развитии словарного состава русского литературного языка:

Первоначально эти синонимичные существительные [*жулик* и *мазурик* — Е. Б., В. К.] различались по месту распространения. Ср. примечание в романе Б. Маркевича “Перелом”: “На юге России мошенников называют «шарлатанами», как в Петербурге «мазуриками» и «жуликами» в Москве”. [. . .] Ср. *жулик* — Кал. [т. е. тверское — Е. Б., В. К.], Моск.; *мазурик* — Петрогр., Вят., Костром., Псков., Тихв., Яросл. Таким первоначальным диалектным распространением этих слов объясняется и соотношение их употребительности в литературной речи. При очевидном преобладании петербургской литературы и журналистики в XIX в. более употребительным было слово *мазурик* (в том числе и в расширительном смысле). [. . .] Позднее более распространенным оказывается московский вариант, а слово *мазурик* более ограниченным и специфическим [Сорокин 1965: 485–486].

Данные [НКРЯ] позволяют заключить, что изучаемое слово стало активно использоваться в литературе и публицистике со второй половины XIX в. Пик употребительности *мазурика* приходится на 1860–70-е гг. Слово устойчиво фиксируется в лексиконе писателей-“народников”, встречается также в произведениях Достоевского, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Чехова¹³. Оно входит в фонд литературного просторечия, при этом множество однокоренных ему слов фиксируется в говорах.

Петербургское прошлое *мазурика* хорошо вписывается в версию о том, что оно является полонизмом: как известно, язык Петербурга во многом подпитывался именно северо-западными говорами. Для того чтобы уточнить этот вывод и охарактеризовать смысловую структуру семантико-деривационного гнезда с вершинным словом *мазур* (верифицировав тем самым “мазурскую” версию со стороны значения), следует более пристально проанализировать данные русских диалектов.

4. Слова с основой *мазур-* в русских народных говорах: семантическая характеристика

Элементы обширного гнезда *мазур-*, существующего в русских говорах, имеют преимущественно негативную семантику.

¹³ В редких случаях как синоним *мазуриков* в значении ‘мошенники’ в русской литературе встречается существительное *мазура*: “Ах, ты, *мазура-мазура* оголтелая! Стащить хотел! В полицию бы тебя, каналью!” (В. В. Крестовский. Петербургские трущобы, 1867). “Не господа вы, а шувалики, — говорю. Воры, *мазура* несчастная, — говорю” (А. В. Амфитеатров. Питерские контрабандистки, 1898), “Говорили: “Ведут арестантов, бродяг, *мазуру*”, т. е. мазуриков, мошенников. Особые конвои тюремной стражи, с саблями наголо, водили по Москве в кандалах преступников, приговоренных к каторжной работе” (К. А. Коровин. Арестанты, 1930–1938).

Они относятся в первую очередь к таким явлениям, как разбой, мошенничество, обман, хитрость. Целый ряд диалектных слов идентичен по смыслу просторечным *мазу́рик*, *мазу́рничать* 'быть мазуриком; плутовать, мошенничать', *мазу́рничество* 'занятие, поведение мазурика; плутовство, мошенничество', *мазу́рницкий* 'свойственный мазурику; плутовской, мошеннический', зафиксированным в [БАС₂, 9: 413–414]; слова из этого ряда мы не будем далее приводить. Отметим те лексемы, которые семантически отличаются от просторечных. В этой группе номинируются:

♦ те, кто совершают разбой, хулиганство, обман: пск. *мазу́рик*, *мазура́* 'бандит, убийца, разбойник': "Кагда людей чалавек убиваит, то мазурик" [ПОС, 17: 322, 324]; влг., твер., яросл. *мазу́р*, пск. *мазу́рок* 'вор, мошенник, негодяй' [ДЯОС, 2: 9; Селигер, 3: 247; СРНГ, 17: 299; ПОС, 17: 326]; новг. *мазурьё* 'хулиганы': "Сторожат и сторожат, а мазурья еще больше стало" [СРГК, 3: 186]; карел., новг. *ма́зур*, *ма́зура* 'обманщик, плут' [ИВІД.: 186; НОС: 539]; орл. *мазу́рик* 'тот, кто способен очернить, опорочить другого' [СОГ, 6: 102]; арх., влг., пск., твер. яросл. *мазу́рка*, твер. *мазу́рница* 'мошенница, обманщица': "Я не была какой-то мазуркой, я копейки себе не брала" (твер.) [Королева 2000: 117; КСГРС; ПОС, 17: 325; Селигер, 3: 247–248; ЯОС, 6: 28]; пск. *мазура́ш* 'обманщик, выдумщик, хитрый человек': "Ну и мазураш ты, Рость: или соврать что хочет или выдумать" [Королева 2000: 117];

♦ действия и их результаты (обозначаемые как глаголами, так и отглагольными существительными): пск. *мазу́рничать* 'заниматься разбоем': "Рота салдат ни вирнулась и стала мазурничать" [ПОС, 17: 325]; новг. *обмазу́рничать* 'обворовать': "Ты нас обмазурничал. Шапку дал. Шапка оказалась пустая, не действует" [СРНГ, 22: 117]; пск. *мазу́рить* 'мошенничать, воровать, обманывать': "Я ш сама даяркай работала, вадички падливали, мазурили даярки" [ПОС, 17: 324]; влг. *намазу́рить*, ленингр., пск., смол. *обмазу́рить* 'обмануть, перехитрить' [КСГРС; СРНГ, 22: 117]; ленингр., пск., смол. *обмазу́риться* 'стать хитрым, ловким, пронырливым': "Пожил в городе и обмазурился" [ИВІД.: 117]; арх. *смазу́рничать*, *намазу́рничать* 'скрытно что-то сделать, сплутовать, схитрить': "С тобой плохо дело иметь, опеть чево-нибудь намазурничашь" [УНС: 169]; *мазу́рство* арх., влг., новг., пск., твер. 'обман, жульничество' [КСГРС; НОС: 539; Селигер, 3: 248; ПОС, 17: 326], ленингр. 'воровство': "Там мазурство-то, у сына валешки, шапку украли, у дочки плат украли" [СРГК, 3: 186]; пск. *мазу́рево*, *мазури́на* 'хулиганство, мошенничество, обман' [ПОС, 17: 323, 324];

♦ характеристика действия: пск. *на мазурика* 'постоянно обманываемая, обворовываемая': "Эта уш на мазурика, гасударства амманывают" [ПОС, 17: 324];

♦ характеристика людей и предметов: ленингр., яросл. *мазуристый* ‘хитрый, ловкий, изворотливый’ [ДЯОС, 2: 9; СРГК, 3: 186]; *мазуроватый* пск. ‘склонный к воровству’; ‘хулиганистый, драчливый’; ‘любящий приврать’ [ПОС, 17: 326], новг. ‘хитрый, плутоватый’: “До чего ты, милый, хитер, до чего мазуроват. Говорил: «Готовься замуж», а сам ты на осень солдат” [НОС: 539; СРГК, 3: 186]; пск. *мазурочный* ‘лживый (?)’: “Какие я мазурачные письма палучал ат той, а я ни хател сверицца” [ПОС, 17: 326]; твер. *мазурнический* ‘нелегальный, подпольный’: “Мазурнических шинков наделать хотят, водку продавать дешёвую” [СЕЛИГЕР, 3: 248].

Приведя этот ряд слов, позволим себе небольшой этимологический экскурс. Есть смысл рассмотреть вопрос об отношениях глаголов данного гнезда (типа *мазурить*, *мазурничать*) со словами с начальным б: пск. *базурить* ‘жить обманом, плутовать’, пск., твер. *базурничать* ‘то же’ [ПОС, 1: 47; СРНГ, 2: 51]. Лексемы на м и б фиксируются на одной и той же псковской территории. В. Н. Топоров предполагает, что глаголы с начальным б восходят к праслав. диал. **bazuriti* (или, скорее, **obazuriti*), которое заимствовано из иран. **abi-zur* / **aba-zur-*, ср. авест. *zurah-* ‘несправедливость’, ‘обман’, др.-перс. *zūrah-* ‘то же’, перс. *zūr* ‘ложный; ложь’ [Топоров 1971: 450–458]. О. Н. Трубочев разделяет идею о существовании праслав. **bazuriti*, посвящая ему отдельную статью в [ЭССЯ, 1: 171], которая основана только на двух указанных выше фактах (пск. *базурить*, пск., твер. *базурничать*). А. Е. Аникин, считая эту версию сомнительной, предполагает, что рассматриваемые глаголы являются результатом переразложения рус. диал. *абазурить* ‘привыкнуть, обнаглеть’, *абазуриться* / *обазуриться* ‘облениваться; освоиться, стать бойким, смелым’, причем последнее слово (возможно, из **обо-зор-ити*, ср. пск., твер. *обозуриться* ‘обознаться, оглядеться’) могло испытать влияние рус. диал. *обмазурить(ся)*, поскольку это позволяет объяснить появление а и у [Аникин РЭС, 1: 64–65; 2: 77]. Авторы настоящей статьи поддерживают версию А. Е. Аникина и считают, что вопрос об участии основы *мазур-* в появлении слов *базурить* и *базурничать* можно поставить более кардинально. Возможно, данные глаголы возникли не в результате контаминационных процессов, а собственно в гнезде *мазур-*: во-первых, они идентичны словам *мазурить*, *мазурничать* в плане семантики и словообразования, а значимость словообразовательной стороны особо возрастает, если учесть, что у слов с начальным *абазур-/обозур-* не фиксируются формы на *-ничать* (при наличии *базурничать* / *мазурничать*); во-вторых, глаголы с б/м фиксируются на одной и той же псковской территории; в-третьих, мена губных б/м (в том числе начальных) вполне типична для русских говоров, ср. н.-печор. *бладенец* ‘младенец’, олон. *болодой* ‘молодой’, арх. *ботыга* ‘мотыга’, арх. *бухоморник* ‘мухомор’

[МИХАЙЛОВА 2013: 40, 47, 54, 68], пск. *буржавель* 'можжевельник' (ср. пск. *муржавельник* 'то же') [ПОС, 2: 217; 19: 63]. Формы на *б* могли появиться не только вследствие мены губных, но и под влиянием глаголов, восходящих к **обо-зор-ити*. Таким образом, глаголы на *абазур-/абазор-/базур-* принадлежат гетерогенному морфо-семантическому полю — и в появлении каждого из них сработал свой "рецепт" участия различных основ, подвергшихся контаминациям.

Вернемся к анализу семантики русских диалектных слов с корневым *мазур-*. Ими обозначаются и менее серьезные, чем разбой и пр., отклонения от поведенческой нормы — озорство, шалость, шумное веселье, драчливость, пьянство, наглость: новг. *мазурик*, *мазюра*, влг. *маздурик*¹⁴ 'шалун, озорник': "Ах, мазурик ты этакой, зачем кошке на хвост фантик привязал?" (новг.) [КСГРС; НОС: 539]; яросл. *мазурик* 'скандалист' [ДЯОС, 2: 9]; *мазурик* пск. 'пьяница': "Вотку-та как хлещит, мазурик", перм., пск. 'нахал, наглец', пск. 'насмешник, весельчак': "Мазурик, который ходит да мазурничает, комикам представляит сам сябя" [ПОС, 17: 323, 324; СПГ, 1: 501]; пск. *мазуряга* 'драчун, задира': "Драксун, чиво ты лезиш, мазуряга, к нему" [ПОС, 17: 326]; яросл. *мазурить* 'шумно веселиться', влг., карел., ленингр., новг., пск., твер., яросл. *мазурничать* 'озорничать, шалить, хулиганить': "Он мазурничает, шалит больно" (влг.), пск. 'строить из себя шута' [ПОС, 17: 326; Селигер, 3: 248; СРГК, 3: 186; ЯОС, 6: 28–29]; новг. *мазуроватый*, твер. *мазуристый* 'склонный к озорству' [НОС: 539; Селигер, 3: 248] и др.

Озорством и непослушанием чаще всего отличаются д е т и и ж и в о т н ы е: влг., карел., ленингр., пск., смол., костр. *мазурик*, твер. *мазурёнок*, ленингр. *мазурник*, *мазуроль*, *мазурятик* 'о детях: непослушный ребенок, озорник, хитрец': "У Марфы внуки вольные, самовольные мазурики, никого не послушают" (карел.) [Ганцовская 2015: 203; ПОС, 17: 324, 325; Селигер, 3: 247; СРГК, 3: 186; ССГ, 6: 74]; твер., ленингр., пск. *мазурик*, *мазурка*, *мазурá* 'о непослушном животном': "Мазурка, не слушается, телушка если, а если бычок — скажем «мазурик»" (твер.) [СРГК, 3: 186; Селигер, 3: 247–248; ПОС, 17: 325]; пск. *мазурной* 'непослушный (о ребенке)': "Ой ты мазурной какой, ты чаво бабу ни слушаиш" [ПОС, 17: 325]. Демонстрация своеволия приписывается, кроме детей и животных, ж е н щ и н а м: пск. *мазурка* 'своенравная женщина' [Ibid.]¹⁵.

¹⁴ Очевидно, здесь имеет место аттракция слова *мазурик* к какой-либо лексеме с корнем *дур-*.

¹⁵ Частое отнесение изучаемых слов к детям закрепляется в их "семантической памяти" — номинируя д е т е й, они могут утрачивать связь с отрицательным поведением: пск. *мазурик*, *мазурёнок* 'ласк. о ребенке': "Ах ты мой мазурёнок малинький, мазурик" [ПОС, 17: 324]; пск. *мазурка* 'ласк. о веселом, подвижном, общительном ребенке': "Ишь ты, мазурка какая! <грудному ребенку>" [Королева 2000: 117].

Комплекс негативных значений включает также семантику *лени*, *безделья*: пск. *мазу́рик*, *мазу́рник* ‘ленивый человек, бездельник’: “Мазурикам звали чылавека, ён ни работал” [ПОС, 17: 324]; ленингр. *мазу́рничать* ‘бездельничать, лентяйничать’: “Мазурничать, не делать ничего, а дело стоит всё” [СРГК, 3: 186]; *неумелости*: пск. *мазу́рица* ‘неумелая, неряшливая хозяйка’: “Ма́зурица, ты што воду-та разлила” [ПОС, 17: 325]. Проявлена и семантика *недружелюбия*: твер. *мазу́ра* ‘угрюмый, сердитый’ [ДО: 108]. Даже *внешний вид* “мазура” непривлекателен: яросл. *мазу́ристый* ‘маленький, худенький, некрасивый’: “Же-них ее такой мазуристый” [ЯОС, 6: 28].

Обобщенная негативная оценка, свойственная семантике данного деривационного гнезда, представлена в твер. *мазу́рята* ‘о мелких жалящих насекомых’: “Комары-то кусают, мне вот здесь-то разъели, мазу́рята, стервецы” [Селигер, 3: 247]. Контекст позволяет предположить, что слово используется говорящими как бранное без устойчивой референтной соотнесенности.

Представленный диалектный материал в основном зафиксирован на севере, северо-западе и западе России, а также в некоторых центральных областях. Наибольшее количество различных “мазуристых” слов записано на территории Псковщины¹⁶. Это как нельзя лучше вписывается в “польскую” версию о происхождении слова *мазурик*, ведь псковские земли граничат с белорусскими, которые, в свою очередь, соприкасаются с северо-востоком Польши — зоной проживания мазуров.

5. Процессы контаминации как фактор семантической адаптации слов с основой *мазур-*

В предыдущем разделе уже комментировались некоторые единичные лексические факты из гнезда *мазур-*, которые, вероятно, стали участниками контаминационных процессов. Процессы такого рода существенно влияют на векторы семантической адаптации слова в реципиентной языковой среде — в нашем случае в лексической системе русских говоров. В настоящем разделе речь пойдет о целых лексических блоках из изучаемого гнезда, которые испытывают аттракцию к близким по форме и значению словам иного происхождения.

5.1. Слова со значениями ‘тот, кто много перемещается’, ‘тот, кто приходит издалека’, ‘чужой’

Выделяется группа слов, называющих людей, которые ведут “кочевой” образ жизни, часто перемещаются с места на место. Среди них:

¹⁶ Помимо объективных причин (контактологических), здесь, видимо, есть и субъективные, к числу которых следует отнести богатство и полноту Псковского областного словаря [ПОС].

♦ **матросы, бурлаки:** [с пометой “обл.”] *мазур* ‘работник на судне’, без указ. места ‘бурлак’ [СРНГ, 17: 299], оренб. *мазур, мазурик* ‘матрос’: “На корабль не всё штрафованных, сажают и хороших нештрафованных, примерно, мазуриков, тоись матросиков, которые по компасу понимают” [Малеча, 2: 389], *музур* без указ. места ‘матрос на купеческом и промысловом судне Каспия, как бурлак — матрос на речном судне’ [Даль, 2: 934], оренб. ‘казак, выбираемый станичным обществом для охраны войсковых вод, он же гребец в лодках (сторожевых); матрос’: “Музур садится в будару на вёслы, а корщик — на корму”. “Впоследствии были сооружены маячные суда, т. е. стоевые лодки по границам войсковых морских вод с охранной командой из музуров-гребцов, кормщиков (управителей морскими водами) и стариков-депутатов (надзирателей по охране)” [Малеча, 2: 451];

♦ **морские разбойники:** астрах., нижегор. *мазурушки, музурюшки* ‘вольные люди, удалцы, промысляющие морским разбоем’ [СРНГ, 17: 300];

♦ **вообще бродяги:** бурят. *мазурки* ‘бездомные, часто меняющие место жительства люди’ [СРГС, 2: 248].

Упоминания морских *мазуров (мазурушек) / музуров (музурушек)* и даже *морзорушек*¹⁷ встречаются в исторических песнях, ср., к примеру, два отрывка из песен конца XVI – начала XVII в. о Ермаке, записанных у терских казаков и в Симбирске соответственно, причем в финале первой *мазурушки* отправляются на “сине море”, а во второй действие происходит непосредственно на море:

Как не сизые орлы
 Ко соколикам солеталися —
 Соезжались *мазурушки*
 Всё персидские,
 Они старые, стародавние,
 Беспачпортные,
 Из тумы-то тумов *мазурушки*,
 Чернославские, прироженные.
 Соезжались *мазурушки*
 На высок курган,
 Становилися *мазурушки*
 Во единой круг [. . .]
 [РИП: 101–102].

¹⁷ Ср. *морзорушка* ‘пират’ [Грачев 2003: 550]. Это слово М. А. Грачев фиксирует с отсылкой к исторической песне, отрывок из которой приведен ниже.

Как на славном море было на Каспийском,
 Вот не ясны тут соколы слетались,
 Собиралися *морзорушки* каспийские,
 Еще стары бродяги беспашпортные,
 Беспашпортные хайлы, да всё разбойнички
 [. . .]

[ИВІД.: 102].

В комментариях Л. И. Емельянова к “местным, архаическим и малоупотребительным словам” из текстов песен встречаем: “*Музуры (мазурушки, морзорушки)* — матросы каспийских купеческих и промысловых судов, бурлаки” [РИП: 513].

“Морские” *мазуры* встречаются и в исторической песне XVIII в. о Петре I, записанной в Нижегородской губернии, причем *мазурушки* плывут там по Балтийскому морю:

А у нас было на синем море,
 На синем море на Балтийском,
 Выплывал-выбегал Муравей-корабль,
 Хорошо корабль изукрашенной,
 Мелким жемчугом изунизаной;
 На кораблике все снасточки шелковые,
 На нем *мазурушки* всё полковнички,

А пассажирушки всё енералушки.
 На носу сидит православной царь,
 Православной царь Петр Алексеевич,
 На корме сидит молодой Немец.
 Он бежит, корабль, из иной земли,
 Из иной земли, земли шведские,
 Во нашу мать во Россеюшку

[КИРЕЕВСКИЙ, 3/8: 166–167].

Сам П. В. Киреевский выстраивает следующую линию семантического развития слова: “*Мазурушки* — мелкие торговцы (афени) и черно-рабочие на судне, то же, что «ярыжные», и так же получило после дурной смысл. Назывались так и «воры-разбойники», помельче, на судах, откуда всего ближе было слову перейти ко смыслу плута, мошенника. Еще старше это *ходебщики мазуры* из *Мазовши* [разрядка наша. — Е. Б., В. К.], по Западной Руси: подобным образом ярыги по русскому словопроизводству и осмыслению сродны с названием варягов. Афени и мазуры больше сухопутные, ярыги — водяные. Нынче *мазурик* — ярыга, ёрник” [КИРЕЕВСКИЙ, 3/8: 167].

Этот комментарий представляется прозорливым и верным. Как мы видели ранее (см. раздел 2.2 настоящей статьи), в смысловом поле польск. *Mazur* присутствовал мотив активных переселений, ср. польск. *madzur* ‘колонист, поселенец’. Данный мотив сохранился и при заимствовании слова. Следует добавить, что превращение “*ходебщиков*”-*мазуров* в “*водных*” *мазурушек* в восприятии носителя русской культурно-языковой традиции совершенно закономерно, поскольку водные магистрали издавна

являлись основными путями передвижения и торговли (особенно в Поволжье и на Русском Севере, которые играли ключевую роль в экономико-политической жизни страны)¹⁸.

На этом этапе наших рассуждений о плавающих *мазурушках* уместно подключить фактор аттракции. Как мы видели выше, в “водном” значении может выступать форма с *у* в первом слоге (*музур*), очень похожая по вокализму на тюркизм. В вышеприведенном тексте о Ермаке у *мазурушек* есть “восточный” эпитет — *персидские*. В песне, записанной у терских казаков, находим прямое отождествление *мазурушек* и *турок*:

Не косицами да это сине море,
Ой, сине море взволновалось.
Не два сокола, они изъ дубровушки,
Ой, соколики вылетали,
Два корабличка, они изъ Царяграда,
Ой, кораблички выплывали.
На корабличкахъ, тамъ сидятъ *мазурушки*,
Ой, прехрабрые злые *турки* [. . .]

[Соболевский, 6: 201].

Неслучайно в СРНГ симб. *мазурьё* дается с дефиницией ‘вместо *мурза*’: “Не персидские *мазурьё* собиралися” [СРНГ, 17: 300]; *мурза* в данном случае вступает в своем литературном значении — ‘титул в тюркских государствах’. Эти факты говорят о явном притяжении слов *мазур* и *мурза*, которые обладают высокой степенью фонетической близости, а также общими смысловыми ассоциациями — “чужой, инородческий”.

Эти ассоциации выводят нас на еще более широкое лексическое поле, в котором смешиваются самым причудливым образом весьма далекие в фонетическом плане единицы, объединенные семантикой враждебности и чуждости, ср. фольклорные эпитеты *мурзамецкий*, *борзомецкий*, *бурзаменский* ‘басурманский, татарский’, которые обычно употребляются при названиях оружия: “вероятно, из *басурманский*, *бусурманский*, смешанного с *мазовецкий*, ср. *марзовецкая сабля*, смол. (Добровольский), от польск. *tazowiecki*, др.-польск. *tazowieski* [. . .]; возможно, формы на *-у-* подверглись влиянию со стороны слова *мурза*” [ФАСМЕР, ТРУБАЧЕВ, 3: 12].

Таким образом, сила контаминационных процессов превращает *мазуров* в *турок* (и вообще в *басурман*)¹⁹.

¹⁸ Показательна, к примеру, история слова *караван*, которое поменяло в севернорусских говорах свою “сухопутную” семантику на “водную”, ср. арх., влг. *караванка* ‘вереница сплавных плотов; паром из нескольких плотов’ [СГРС, 5: 67].

¹⁹ Любопытно, что в польском фольклоре подобное сближение тоже фиксируется — на основании рифмы и семантики удаленности, ср. польск. *obejść Turki Mazurki* ‘много путешествовать, бывать в разных странах’ [SW, 7: 170].

Мотив “чужака” присутствует и в свадебном фольклоре. *Мазурами* именуются сваты: пск. *мазурьы* ‘о сватах’: “Из-за гары-гары едут мазурьы <песня>” [ПОС, 17: 322–323]. Вариации этой песни фиксируются и в других словарных контекстах: смол. “Ой, из-за гор, горы едут мазуры, едут, едут мазурочки, везут, везут два веночки” [ССГ, 6: 74], сарат. “Едет, едет мазурочек, Он везет ко мне веночек” [СРНГ, 17: 300]. Интересный вариант отмечается в Самарской губернии: “Из-за гор-горы едут *мажуры*” [ИВІД.: 293]: здесь мы вновь сталкиваемся с аттракцией, поскольку вследствие затемненности для исполнителей смысла слова *мазуры* последнее “притянулось” к южн., юго-зап. *мажара* ‘вид телеги’ [ИВІД.: 292]. Песня широко распространена в русском свадебном фольклоре; параллели имеются в польском, украинском, белорусском языках: польск. “Z góru Mazury, jedzie Mazurecek, Wiezie mi wianek” [КАРŁOWICZ, 3: 131], “Z góru, z góru jadą Mazury” [НКРР, 2: 420], блр. “Из-за гор, гары едуць мазуры” [БелФ, 2: 81], укр. “З-за гори-гори їдуть мазури” (сообщил В. Давыдюк). Встреча “стороны жениха”, приезжающей в дом невесты, с ее родней у славян может символически представляться как военное действие, где жених и его родственники воспринимаются как войско или полк, от которых необходимо обороняться, см. [Гура 2012: 645–649]. По этой причине “дружину” жениха могли называть именами чужих народов, ср., например, слова, которые поют о сватах подружки невесты в Черниговской губернии: “Прыехала літва, будзе у нас бітва” [ИВІД.: 646].

5.2. Слова со значением загрязнения

У ряда слов с широкой географией представлены значения, связанные с ситуацией загрязнения. Эти слова обозначают как *грязных и неопрятных людей* (особо выделяются чумазые дети и неряшливые женщины), так и *действие загрязнения*: влад., твер., тул., смол. *мазура*, влг., перм., омск. *мазурик*, пск. *мазурка*, волгогр. *мазуря*, н.-печор. *мазюр* ‘неопрятный, грязный, испачкавшийся человек’: “Привела к тебе мазурика, где и измазался эдак” (влг.), “А грязь размазал, дак мазюр” (н.-печор.) [Даль, 2: 751; ДО: 108; ПОС, 17: 325; СВГ, 4: 67; СДГВО: 308; СПГ, 1: 501; СРГНП, 1: 403; СРНГ, 17: 299; СРСГСР, 2: 114; ССГ, 6: 74]; смол., орл. *мазурик* ‘о грязном ребенке’: “Иде ета ты так вымызыуся, мазурик ты етъкий!” (смол.) [СОГ, 6: 101–102; ССГ, 6: 74]; волгогр., ростов. *мазура* ‘грязная, неопрятная женщина’: “Да ана мазура сафсем, мазанка грязная” [БТСДК: 274; СДГВО: 308]; рус. морд. *мазуриться* ‘пачкаться’: “Дети глиньй мазурились” [СРГМ, 1: 513]; том. *обмазуриться* ‘испачкаться, вымазаться’ [СРНГ, 22: 117].

Здесь несомненно притяжение к *мазать*, подтверждаемое и наличием многочисленных синонимичных слов типа *маза*, *мазуля* и пр., и

показаниями наивного языкового сознания (“Привела к тебе *мазурика*, где и *измазался* эдак”). Это притяжение подтверждается тем, что между словами со значением загрязнения и лексемами, отнесенными нами к семантико-деривационному гнезду полонизма *мазур* (см. раздел 4 настоящей статьи), есть отчетливые смысловые связи. К примеру, хорошо “рифмуются” значения ‘озорник, шалопай’ и ‘тот, кто вымазался, замарался’ (и то, и другое чаще употребляется по отношению к детям), ‘неряшливая хозяйка’ и ‘замарашка’ etc.

5.3. Слова со значениями ‘маляр’, ‘штукатур’, ‘живописец’

Лексические единицы, называющие тех, кто занимается обмазкой помещений глиной или их росписью, распространены главным образом в южных говорах: ворон., курск., рус. одесск. *мазу́р*, яросл. *мазу́рочек* ‘штукатур, обмазывающий хаты глиной, известью; маляр’ [СРГО, 1: 294; СРНГ, 17: 299; ЯОС, 6: 29]; тул. *мазу́ра* ‘маляр’ [ДО: 108]; сарат., рус. одесск. *мазу́рка*, *мазу́риха* ‘женщина-маляр’: “Есть у нас такая спицыялистка-мазурка, та, што стены хаты мазаить” (одесск.) [СРГО, 1: 294; СРНГ, 17: 300]; тамб. *мазу́рицк* ‘живописец, расписывающий храмы’ [СРНГ, 17: 300]; ворон. *помазу́рка*, *помазу́рочка* ‘женщина, занимающаяся мазаньем (глиной) избы, сарая’: “Я б до хатки помазурочку нанял” [ІВІД., 29: 195]. Здесь несомненна связь с ворон., тамб., ставроп., костр. *мазать* ‘обмазывать глиной (хату, клеть, печку и пр.)’ [ІВІД., 17: 294]. Распространение слов связано с ограниченной областью их применения: постройки-мазанки характерны в основном для южнорусской, а также белорусской и украинской территории.

Таким образом, в рубриках 5.2 и 5.3 представлены лексические единицы, которые входят в морфо-семантическое поле, образованное дериватами *мазать* (в разных значениях) и словами, восходящими к полонизму *мазур*. Лексемы со значениями ‘штукатур’, ‘маляр’, ‘живописец’ следует скорее отнести к производным от *мазать* с редким суффиксом *-ур-*, в то время как слова с семантикой загрязнения явно имеют гетерогенное происхождение, но при этом их практически невозможно “расчленивать” по генетическому принципу, особенно в том случае, когда они фиксируются на тех же территориях, что и “надежные” производные полонизма *мазур* (ср., к примеру, смол. *мазу́рик* в значениях ‘о грязном ребенке’ и ‘непослушный ребенок, озорник, хитрец’). Ситуация становится еще более сложной, если учесть, что “вступить в игру” может еще один актанта взаимодействия, представленный диалектными словами, которые родственны просторечному *замурзанный*: моск., яросл., тул., зап.-брян., пск., смол., рост. *му́рза* и *мурза́* ‘грязный, неопрятный человек;

о человеке, чем-либо запачкавшемся' и мн. др. [СРНГ, 18: 354], ср. также блр. *мурза* 'нечистоплотный, грязный человек', укр. *мурзатий*, *марузатий* 'грязный', *замурза* 'грязный человек' и пр. Относительно происхождения этих слов высказывают разные мнения: некоторые исследователи считают их балтизмами (ср. литов. *tūrza*, латыш. *tuīza* 'грязный человек') [ЭСБМ, 7: 96–97], другие возводят к польск. *murzac*, *murzyc* 'пачкать, чернить', далее — к *murzyn* 'человек черной расы, негр'²⁰ [Меркулова 1971: 80], etc. Обстоятельства взаимодействия разных актантов контаминационных процессов требуют отдельного исследования; здесь ограничимся повторением того факта, что слова, восходящие к польск. *Mazur*, являются одним из таких актантов, а сам процесс аттракции становится важным фактором семантической адаптации этих слов²¹.

6. Итоги

Просторечное русское слово *мазурик*, как и обширное гнездо родственных ему слов в русских говорах, является полонизмом, поскольку заимствовано из обозначения мазуров — этнографической группы поляков.

Вот краткая сводка аргументов в пользу такого решения.

♦ Если рассматривать словообразовательный аспект, то можно квалифицировать суффикс *-ик* как факт словообразовательной адаптации на восточнославянской почве, но более вероятно предположение о том, что рус. *мазурик* воспроизводит структуру польской формы *Mazurek* 'мазур', которая представлена в языке-источнике наряду с бессуффиксальной *Mazur* [SW, 2: 907]. Эта деталь, которую мы не акцентировали

²⁰ Если "негритянская" версия верна, то можно только удивляться той силе притяжения, которая вновь сводит друг с другом лексические единицы, связанные (на разных этапах своей истории) с образами инородцев.

²¹ В настоящий раздел не попали некоторые другие слова, которые тоже могли испытать контаминационное воздействие со стороны *мазурика* 'мошенника' — хотя бы на формальном уровне. Ср., к примеру, обозначение бутылки спиртного — пск. *мазурик* 'бутылка водки 0,25 л': "Вазьмиш мазурика, выпьши" [ПОС, 17: 324], карел. *мазуричек* 'бутылка спиртного емкостью в сто граммов': "Еще таки мазурички есть, маленьки бутылочки по сто грамм" [СРГК, 3: 186], рус. морд. *мазурик* 'старинная мера водки, равная 150 граммам': "Петькъ дъ Масквы пишком шол, пътаму штъ деньги нъ мазурики истратил" [СРГМ, 1: 513]. Данные формы возникли на основе дериватов глагола *мазать*, ср. арх. *смазать горло* 'выпить вина' [СРНГ, 38: 339], жарг. *замазать* 'выпить спиртного' [СМЖ], *вмазать* 'то же' [БСЖ: 102], и формальной поддержки со стороны обозначений бутылки с алкоголем вроде жарг. *панфурик* [БСЖ: 418], костр. *фанфурик* [ЛКТЭ], простореч. *мензурик* (последнее неоднократно встречается, в частности, на Интернет-форумах, ср., к примеру: "У ЛЕНИНГРАДА, я помню, даже была такая штука: маленький мензурик водки продавался вместе с альбомом. . ." [Форум]). Фиксация этих слов на территориях, где функционируют представленные в разделах 4 и 5 дериваты гнезда *мазур*-, говорит о том, что здесь могло сработать и притяжение к последним.

ранее, — одно из преимуществ “польской” версии происхождения *мазурика* перед другими.

♦ С точки зрения семантики данная версия тоже выглядит обоснованной. Смысловые линии, отмечаемые в связи со словом *Mazur* в языке-источнике, а также в соседних украинских и (особенно) белорусских говорах, проецируются на семантико-деривационное гнездо с вершиной *мазур* в русских диалектах. Перечислим основные из них. В изображении польского, украинского и белорусского языков мазур имеет “иномирный” физический облик, чертами которого являются слепота, черная глотка (небо), темное лицо, “короткоголовость”. Мазуру приписываются негативные интеллектуальные, психические и социальные качества: низкий интеллект и уровень образования, хитрость и жуликоватость, “дикость”, убожество и нищета, необузданность, злобность, драчливость, пьянство, похотливость, некрасивая речь; образ жизни и род занятий связываются с постоянным перемещением мазуров в пространстве, а также солдатчиной. В образе мазура представлена обобщенная негативная оценка, сходная с оценкой других инородцев и соседей — таких как жид, москаль, турок. Что касается русских говоров, то в семантико-деривационном гнезде с вершиной *мазур* представлены следующие смыслы, связанные главным образом с социальным поведением: разбой, мошенничество, обман, хитрость, озорство (особенно о детях и животных), шумное веселье, драчливость, пьянство, наглость, лень, безделье, неумелость, недружелюбие. Внешние признаки — маленький, некрасивый. Образ жизни и род занятий — матрос, бурлак, бродяга. Просматриваются обобщенная негативная оценка, а также семантика “чуждости”, роднящая мазуров с турками и прочими “басурманами”. Если сравнить эти два перечня черт, то можно увидеть, что первый портрет более подробен и конкретен, а второй портрет более “размыт” и экспрессивен. Это ожидаемо и даже неминуемо, если учесть, что носители русских говоров имели меньше прямых контактов с мазурами. Главное — основные черты обоих портретов прозрачно накладываются друг на друга, что обеспечивает обоснование версии о польских “корнях” *мазурика* в семантическом ключе.

♦ В плане лингвогеографии эта версия тоже имеет преференции, поскольку она позволяет объяснить ареальные характеристики лексических единиц из гнезда с вершиной *мазур*: слово *мазурик* ‘жулик’ пришло в литературное просторечие из говора Петербурга и его окрестностей, а также из арго петербургских мошенников, которые как раз назывались *мазуриками*. Что касается других слов изучаемого гнезда, то они распространены на севере, северо-западе и западе России, а также в некоторых центральных областях; при этом “пик активности” таких

слов фиксируется в псковских говорах, являющихся самыми подходящими “проводниками” для заимствований из польского языка. Как уже отмечалось, слово могло попасть в русский язык как непосредственно, так и через белорусское посредничество.

♦ С лингвогеографическим аспектом тесно связан социолингвистический. Слово *мазурик* и родственные ему в русском языке являются фактами народной речи (просторечия и диалектов), что согласуется с социолингвистическими характеристиками элементов семантико-деривационного гнезда *Mazur* в польском, а также с нашим предположением об устном характере заимствования.

Системный характер анализа материала помог авторам настоящей статьи предложить мотивационные решения для некоторых других слов, восходящих в конечном счете к польск. *Mazur*: польск. *tazur* ‘подосиновик’, укр. *мазу́рок* ‘вид гриба’, рус. пск. *базу́рить*, пск., твер. *базу́рничать* ‘жить обманом, плутовать’, фолькл. *морзорушки* ‘матросы, бурлаки’ и др.

Примечателен и реконструированный в ходе исследования этнолингвистический портрет мазура. Воссозданный образ территориального и этнического соседа имеет этнокультурную значимость, особенно если думать о восточнославянской рецепции образа поляка. Дело в том, что “нарисовать” яркий портрет поляка восточнославянским языкам в некоторой степени “мешает” специфика собственно языкового материала — неразличение дериватов слов *поляк* и *поле* (ср., к примеру, фолькл. *польский* ‘связанный с войском, походами; воинский’ [СРНГ, 29: 184] и мн. др.)²². Слово *мазур* не создает такую проблему (хотя тоже обладает контаминационной активностью) и берет на себя в известной мере работу по формированию “общепольского” портрета.

Кроме того, образ мазура имеет типологическую значимость, поскольку в его создании принимают участие лексические единицы, имеющие номинативные дублеты, которые образованы от обозначений других инородцев.

Наконец, контаминационная “судьба” части слов, на основе которых рисуется портрет, тоже весьма поучительна: она показывает, что негативная семантика ксенонимов и их экспрессивность (при нехватке объективно-нейтральной информации) обязательно ищет выход в скрешивании со словами иного происхождения (ср. хотя бы притяжение *мазур* ↔ *мурза*).

²² В некоторых случаях дериваты слов *поляк* и *поле* с суф. -ск- могут различаться ударением, но так происходит далеко не всегда.

Библиография

- АНИКИН РЭС, 1–9
АНИКИН А. Е., *Русский этимологический словарь*, 1–9–, Москва, 2007–2015–.
- АРКУШИН, 1–2
АРКУШИН Г. Л., *Словник західнополіських говірок*, 1–2, Луцьк, 2000.
- БАРТМИНСКИЙ 2005
БАРТМИНСКИЙ Е., *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике*, С. М. Толстая, пер. с польск., сост. и отв. ред., Москва, 2005.
- БАС₁, 1–17
Словарь современного русского литературного языка, 1–17, Москва, Ленинград, 1948–1965.
- БАС₂, 1–24
Большой академический словарь русского языка, 1–24–, Москва, С.-Петербург, 2004–2015–.
- БЕЛОВА 2006
БЕЛОВА О. В., “Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян (этнолингвистическое исследование)” (диссертация доктора филологических наук, Москва, 2006).
- 2012
БЕЛОВА О. В., “Черный цвет”, in: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, 5, Москва, 2012, 513–518.
- БЕЛФ, 1–2
ПАШКОЎ Г. П., гл. ред., *Беларускі фальклор. Энцыклапедыя*, 1–2, Мінск, 2006.
- БЕРЕЗОВИЧ 2007
БЕРЕЗОВИЧ Е. Л., *Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования*, Москва, 2007.
- БЕРЕЗОВИЧ, КРИВОЩАПОВА 2015
БЕРЕЗОВИЧ Е. Л., КРИВОЩАПОВА Ю. А., “Образ Москвы в зеркале русского и иностранных языков. Человек. Культура. Политика и экономика”, *Quaestio Rossica*, 1, 2015, 129–152, DOI: 10.15826/qr.2015.1.083.
- БОНДАЛЕТОВ 2012
БОНДАЛЕТОВ В. Д., В. И. *Даль и тайные языки в России*, 3-е изд., Москва, 2012.
- БОНДАРЕНКО 2016
БОНДАРЕНКО Е. Д., “Наивная лингвистика диалектоносителей: этносоциоллингвистический аспект” (диссертация кандидата филологических наук, Екатеринбург, 2016).
- БСЖ
МОКИЕНКО В. М., НИКИТИНА Т. Г., *Большой словарь русского жаргона*, С.-Петербург, 2000.
- БТСДК
Большой толковый словарь донского казачества, Москва, 2003.
- ГАНЦОВСКАЯ 2015
ГАНЦОВСКАЯ Н. С., *Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи*, Кострома, Москва, 2015.
- ГЕРД 2004
ГЕРД А. С., “Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров (И, К, Л, М)”, in: ИДЕМ, отв. ред., *Севернорусские говоры*, 8, С.-Петербург, 2004.

- Гринченко, 1–4
Гринченко Б. Д., *Словарь украинского языка*, 1–4, Київ, 1907–1909 [репринт: Київ, 1958–1959].
- ГСБМ, 1–36
Булыка А. М., Жураўскі А. І., рэд., *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*, 1–36–, Мінск, 1982–2016–.
- ГУРА 2012
ГУРА А. В., *Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика*, Москва, 2012.
- ДАЛЬ, 1–4
ДАЛЬ В. И., *Толковый словарь живого великорусского языка*, 1–4, 3-е изд., С.-Петербург, Москва, 1903–1909.
- ДО
Дополнения к Опыту областного великорусского словаря, С.-Петербург, 1858.
- ДСБ
Дыялектны слоўнік Брэстчыны, Мінск, 1989.
- ДЯОС, 1–2
ХОВРИНА Т. К., науч. ред., *Ярославский областной словарь: дополнения*, 1–2, Ярославль, 2015.
- ЕСУМ, 1–6
МЕЛЬНИЧУК О. С., ред., *Етимологічний словник української мови*, 1–6, Київ, 1982–2012.
- ЖП
ДЕЙ О. І., МАРЧЕНКО М. Г., ГУМЕНЮК А. І., упор., *Жартівливі пісні. Родино-побутові*, Київ, 1967.
- ЖС
Жывёльны свет. Тэматычны слоўнік, Мінск, 1999.
- КИРЕЕВСКИЙ, 1–10/1–3
Песни, собранные П. В. Киреевским, 1–10/1–3, Москва, 1860–1874.
- КОРОЛЕВА 2000
КОРОЛЕВА Е. Е., *Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский район Псковской области)*, Daugavpils, 2000.
- КСГРС
Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- ЛКТЭ
Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- МАЛЕЧА, 1–4
МАЛЕЧА Н. М., *Словарь говоров уральских (яицких) казаков*, 1–4, Оренбург, 2002–2003.
- МЕРКУЛОВА 1971
МЕРКУЛОВА В. А., “Заметки по истории и этимологии слов”, in: О. Н. ТРУБАЧЕВ, отв. ред., *Этимология 1968*, Москва, 1971, 79–91.
- МИФБ
ВАЛОДЗИНА Т., САНЬКО С., наук. рэд., *Мифалогія беларусаў: Энцыклапедычны слоўнік*, Мінск, 2011.
- МИХАЙЛОВА 2013
МИХАЙЛОВА Л. П., *Словарь экстенциональных лексических единиц в русских говорах*, Петрозаводск, Москва, 2013.

МИХЕЛЬСОН, 1–2

МИХЕЛЬСОН М. И., *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний*, 1–2, С.-Петербург, 1901–1902.

МОСКОВСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

БАРАНОВ Е. З., *Московские легенды, записанные Евгением Барановым*, Москва, 1993.

НКРЯ

Национальный корпус русского языка (электронный ресурс; режим доступа: <http://ruscorpora.ru/>; последнее обращение: 22.05.2017).

НОМИС 1993

НОМИС М., уклад., ПАЗЯКА М. М., упоряд., приміт. та вступ. ст., *Українські приказки, прислів'я і таке інше*, Київ, 1993.

НОС

ЛЕВИЧКИН А. Н., МЫЗНИКОВ С. А., ред., *Новгородский областной словарь*, С.-Петербург, 2010.

НОСОВИЧ 1870

НОСОВИЧ И. И., *Словарь белорусского наречия*, 1–2, С.-Петербург, 1870.

ОПЫТ

ВОСТОКОВ А. Х., ред., *Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук*, С.-Петербург, 1852.

ПОС, 1–26

Псковский областной словарь с историческими данными, 1–26–, Ленинград, С.-Петербург, 1967–2016–.

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, 1–3

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ А., *Этимологический словарь русского языка*, 1–3, Москва, 1910–1914.

РАСС

Раслінны свет. Тэматычны слоўнік, Мінск, 2001.

РЖИЭС

ГРАЧЕВ М. А., МОКИЕНКО В. М., *Русский жаргон: историко-этимологический словарь*, Москва, 2009.

РИП

ЕМЕЛЬЯНОВА Л. И., сост., подг. текста и примеч., *Русская историческая песня: сборник*, Ленинград, 1987.

СБНП

ВАЛОДЗИНА Т. В., САЛАВЕЙ Л. М., уклад., *Слоўнік беларускіх народных параўнанняў*, Мінск, 2011.

СВГ, 1–12

ПАНИКАРОВСКАЯ Т. Г., ред., *Словарь вологодских говоров*, 1–12, Вологда, 1983–2007.

СГРС, 1–6

МАТВЕЕВ А. К. (1–5), РУТ М. Э. (6–), ред., *Словарь говоров Русского Севера*, Екатеринбург, 2001–2014–.

СДГВО

КУДРЯШОВА Р. И., ред., *Словарь донских говоров Волгоградской области*, Волгоград, 2011.

СЕЛИГЕР, 1–6

ГЕРД А. С., ред., *Селигер: Материалы по русской диалектологии: словарь*, 1–6–, С.-Петербург, 2003–2014–.

СИМОНОВИЋ 1959

СИМОНОВИЋ Д., *Ботанички речник: Имена биљака*, Београд, 1959.

СМЖ

МАЛЬЦЕВА Р. И., *Словарь молодежного жаргона*, Краснодар, 1998.

СОБОЛЕВСКИЙ, 1–7

СОБОЛЕВСКИЙ А. И., *Великорусские народные песни, изданные проф. А. И. Соболевским*, 1–7, С.-Петербург, 1895–1907.

СОГ, 1–4

Словарь орловских говоров, 1–4, Ярославль, 1989–1991, 5–15–, Орел, 1992–2008–.

СОРОКИН 1965

СОРОКИН Ю. С., *Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90-е гг. XIX века*, Москва, Ленинград, 1965.

СПГ, 1–2

БОРИСОВА А. Н., ПРОКОШЕВА К. Н., ред., *Словарь пермских говоров*, 1–2, Пермь, 1999–2002.

СПЗБ, 1–5

Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча, 1–5, Мінск, 1978–1986.

СРВС, 1–4

КОЗЛОВСКИЙ В., сост., *Собрание русских воровских словарей*, 1–4, Нью-Йорк, 1983.

СРГК, 1–6

ГЕРД А. С., гл. ред., *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*, 1–6, С.-Петербург, 1994–2005.

СРГМ, 1–2

Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия, 1–2, С.-Петербург, 2013.

СРГНП, 1–2

ИВАШКО Л. А., ред., *Словарь русских говоров Низовой Печоры*, 1–2, С.-Петербург, 2003–2005.

СРГО, 1–2

Словарь русских говоров Одесщины, 1–2, Одесса, 2000.

СРГС, 1–

ФЕДОРОВ А. И., ред., *Словарь русских говоров Сибири*, 1–5, Новосибирск, 1999–2006.

СРНГ, 1–48

ФИЛИН Ф. П. (1–22), СОРОКОЛЕТОВ Ф. П. (23–42), МЫЗНИКОВ С. А. (43–48–), гл. ред., *Словарь русских народных говоров*, Москва, Ленинград, С.-Петербург, 1965–2015–.

СРСГСП, 1–3

САДРЕТДИНОВА Г. А., ред., *Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья*, 1–3, Томск, 1992–1993.

ССГ, 1–11

БОЯРИНОВА Л. З., ИВАНОВА А. И., отв. ред., *Словарь смоленских говоров*, 1–11, Смоленск, 1974–2005.

СТАВИЦЬКА 2005

СТАВИЦЬКА Л., *Український жаргон: Словник*, Київ, 2005.

СТАНКЕВИЧ

СТАНКЕВИЧ Я., *Белорусско-русский (великолитовско-русский) словарь*, New York, б/г.

СЦРБ

МЯЦЕЛЬСКАЯ Е. С. ET AL., уклад., *Слоўнік гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі*, 1, А–П, Мінск, 1990.

ТЕЛЛАЛОВА 1996

ТЕЛЛАЛОВА С., “Етноними с деетнонимни значения в българските говори (Мизия, Тракия и Македония)”, in: *Лингвистични студии за Македония*, София, 1996, 550–588.

ТОПОРОВ 1971

ТОПОРОВ В. Н., "Об одном иранизме в славянском: **bazuriti*", in: Е. В. ЧЕШКО, отв. ред., *Исследования по славянскому языкознанию. Сборник в честь шестидесятилетия проф. С. Б. Бернштейна*, Москва, 1971, 450–458.

ТСБМ, 1–5

Тлумачальны слоўнік беларускай мовы, 1–5, Мінск, 1977–1984.

ТТС, 1–5

КИРИЛЛОВА Т. В., НОВИКОВА Л. Н., ред., *Тематический словарь говоров Тверской области*, 1–5, Тверь, 2003–2006.

УНС

ИСТОМИН А. А. ET AL., ред., *Устьянский народный словарь*, Октябрьский, Вельск, 2012.

ФАСМЕР, ТРУБАЧЕВ, 1–4

ФАСМЕР М., *Этимологический словарь русского языка*, 1–4, О. Н. ТРУБАЧЕВ, пер. с нем. и доп., Москва, 1964–1973.

ФОРУМ

Наш НеФормат: русский рок без форматных ограничений (удаленный ресурс; режим доступа: <http://www.nneformat.ru/>; последнее обращение: 22.05.2017)

ЧЕРНЫХ, 1–2

ЧЕРНЫХ П. Я., *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, 1–2, 3-е изд., стер., Москва, 1999.

ЧТС

Чалавек: Тэматычны слоўнік, Мінск, 2006.

ШАТЭРНИК 1929

ШАТЭРНИК М. В., *Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны*, М. Я. БАЙКОВ, Б. І. ЭПИМАХ-ШЫПЛА, ред., Мінск, 1929.

Шило 2008

ШИЛО Г. Ф., *Наддністрянський регіональний словник*, Львів, New York, 2008.

ЭСБМ, 1–13

ЦЫХУН Г. А., ред., *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*, 1–13–, Мінск, 1978–2010–.

ЭССЯ, 1–39

ТРУБАЧЕВ О. Н. (1–31), ЖУРАВЛЕВ А. Ф. (32–39–), ред., *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд*, Москва, 1974–2014–.

ЯОС, 1–10

МЕЛЬНИЧЕНКО Г. Г., науч. ред., *Ярославский областной словарь*, 1–10, Ярославль, 1981–1991.

AGM

KOWALSKA A., STRZYŻEWSKA-ZAREMBA A., *Atlas gwar mazowieckich*, 2/7, Wrocław et al., 1985.

BENEDYKTOWICZ 2000

BENEDYKTOWICZ Z., *Portrety "obcego": od stereotypu do symbolu*, Kraków, 2000.

BRÜCKNER 1914

BRÜCKNER A., "Miscellen," *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*, 46/3, 1914, 193–217.

——— 1957

BRÜCKNER A., *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Warszawa, 1957.

BYSTROŃ 1935

BYSTROŃ J. ST., "Mazurzy w opinii sąsiedzkiej," in: J. ST. BYSTROŃ, *Megalomania narodowa*, Warszawa, 1935/1995, 131–151.

- KARŁOWICZ, 1–6
 KARŁOWICZ J., *Słownik gwar polskich*, 1–6, Kraków, 1900–1911.
- MACHEK 1968
 MACHEK V., *Etymologický slovník jazyka českého*, 2 oprav. a dop. vyd., Praha, 1968.
- MARCZYK 2003
 MARCZYK M., *Grzyby w kulturze ludowej*, Wrocław, 2003.
- NKPP, 1–4
 KRZYŻANOWSKI J., ŚWIRKO S., red., *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. W oparciu o dzieło S. Adalberga*, 1–4, Warszawa, 1969–1978.
- OREL, 1–3
 OREL V. E., *Russian Etymological Dictionary*, 1–3, Calgary, 2007–2008.
- RI
Reverse Index to the Dictionary of Russian Dialects. Preliminary Version, Urbana, Champaign, 1991.
- SGOWM, 1–5
Słownik gwar Ostródzkiego, Warmii i Mazur, 1–5, Wrocław, Warszawa, Kraków, 1987–2006.
- SŁAWSKI 1976
 SŁAWSKI FR., “Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego (ciąg dalszy),” in: IDEM, red., *Słownik prasłowiański*, 2, Wrocław et al., 1976, 13–60.
- SW, 1–8
 KARŁOWICZ J., KRYŃSKI A., NIEDŹWIEDZKI W., *Słownik języka polskiego*, 1–8, Warszawa, 1900–1927.
- TYRPA 2006
 TYRPA A., “Losy etnonimu «Mazur»,” in: J. DUMY, red., *Onomastyka regionalna (= Rozprawy i Materiały Ośrodka Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego w Olsztynie, 230)*, Olsztyn, 2006, 181–193.
- 2011
 TYRPA A., *Cudzoziemcy i obce kraje w dialektach polskich*, Kraków, 2011.

References

- Anikin A. E., *Russkii etimologicheskii slovar'*, 1–9–, Moscow, 2007–2015–.
- Arkushyn H. L., *Slovyk zakhidnopolis'kykh hovirok*, 1–2, Lutsk, 2000.
- Baranov E. Z., *Moskovskie legendy, zapisannye Evgeniem Baranovym*, Moscow, 1993.
- Bartmiński J., *Iazykovoi obraz mira: ocherki po etnolingvistike*, transl. and ed. by S. M. Tolstaya, Moscow, 2005.
- Belova O. V., “Chernyi tsvet,” in: *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, 5, Moscow, 2012, 513–518.
- Benedyktowicz Z., *Portrety “obcego”: od stereotypu do symbolu*, Kraków, 2000.
- Berezovich E. L., *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: Etnolingvisticheskie issledovaniia*, Moscow, 2007.
- Berezovich E., Krivoshchapova Iu., “The Image of Moscow in the Mirror of the Russian and Foreign Languages: Man. Culture. Politics and Economy,” *Quaestio Rossica*, 1, 2015, 129–152, DOI: 10.15826/qr.2015.1.083
- Bondaletov V. D., *V. I. Dal' i tainye iazyki v Rossii*, 3rd ed., Moscow, 2012.
- Brückner A., *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Warszawa, 1957.
- Bystroń J. St., “Mazurzy w opinii sąsiedzkiej,” in: J. St. Bystroń, *Megalomania narodowa*, Warszawa, 1935/1995, 131–151.
- Chernykh P. Ya., *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo iazyka*, 1–2, 3rd ed., Moscow, 1999.
- Gantsovskaya N. S., *Slovar' govorov Kostromskogo Zavolzh'a: mezhdurech'e Kostromy i Unzhi*, Kostroma, Moscow, 2015.
- Gerd A. S., “Materialy dlia etimologicheskogo slovaria severnorusskikh govorov (I, K, L, M),” in:

- A. S. Gerd, ed., *Severnorusskie govory*, 8, St. Petersburg, 2004.
- Grachev M. A., Mokienko V. M., *Russkii zhargon: istoriko-etimologicheskii slovar'*, Moscow, 2009.
- Gura A. V., *Brak i svad'ba v slavianskoi narodnoi kul'ture: Semantika i simbolika*, Moscow, 2012.
- Karłowicz J., *Słownik gwar polskich*, 1–6, Kraków, 1900–1911.
- Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W., *Słownik języka polskiego*, 1–8, Warszawa, 1900–1927.
- Koroļova Je., *Dialektnyi slovar' odnoi sem'i (Pytalovskii raion Pskovskoi oblasti)*, Daugavpils, 2000.
- Kowalska A., Strzyżewska-Zaremba A., *Atlas gwar mazowieckich*, 2/7, Wrocław et al., 1985.
- Machek V., *Etymologický slovník jazyka českého*, 2 oprav. a dop. vyd., Praha, 1968.
- Malecha N. M., *Slovar' govovor ural'skikh (iaitskikh) kazakov*, 1–4, Orenburg, 2002–2003.
- Mal'tseva R. I., *Slovar' molodezhnogo zhargona*, Krasnodar, 1998.
- Marczyk M., *Grzyby w kulturze ludowej*, Wrocław, 2003.
- Merkulova V. A., "Zametki po istorii i etimologii slov," in: O. N. Trubachev, ed., *Etimologiya 1968*, Moscow, 1971, 79–91.
- Mikhaylova L. P., *Slovar' ekstentsional'nykh leksicheskikh edinit v russkikh govorakh*, Petrozavodsk, Moscow, 2013.
- Mokienko V. M., Nikitina T. G., *Bol'shoi slovar' russkogo zhargona*, St. Petersburg, 2000.
- Orel V. E., *Russian Etymological Dictionary*, 1–3, Calgary, 2007–2008.
- Shylo H. F., *Naddnistrians'kyi rehional'nyi slovnyk*, Lviv, New York, 2008.
- Simonović D., *Botanički rečnik: Imena biljaka*, Beograd, 1959.
- Sławski Fr., "Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego (ciąg dalszy)," in: Fr. Sławski, red., *Słownik prasłowiański*, 2, Wrocław et al., 1976, 13–60.
- Sorokin Yu. S., *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo iazyka v 30–90-e gg. XIX veka*, Moscow, Leningrad, 1965.
- Stavyts'ka L., *Ukrains'kyi zharhon: Slovnyk*, Kyiv, 2005.
- Tellalova S., "Etonimi s deetnonimni znacheniiia v búlgarskite govori (Miziia, Trakiiia i Makedoniia)," in: *Lingvistichni studii za Makedoniia*, Sofia, 1996, 550–588.
- Toporov V. N., "Ob odnom iranizme v slavianskom: *bazuriti," in: E. V. Cheshko, ed., *Issledovaniia po slavianskomu iazykoznaniiu*, Moscow, 1971, 450–458.
- Tyrpa A., "Losy etnonimu «Mazur»," in: J. Dumy, red., *Onomastyka regionalna* (= Rozprawy i Materiały Ośrodka Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego w Olsztynie, 230), Olsztyn, 2006, 181–193.
- Tyrpa A., *Cudzoziemcy i obce kraje w dialektach polskich*, Kraków, 2011.
- Vasmer M., *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka*, 1–4, transl. and add. by O. N. Trubachev, Moscow, 1964–1973.

Acknowledgements

Russian Foundation for Basic Research. Project No. 17-18-01351.

член-корр. РАН Елена Львовна Березович, доктор филол. наук
Уральский федеральный университет, Департамент "Филологический
факультет" Института гуманитарных наук и искусств,
профессор кафедры русского языка и общего языкознания
620000 Екатеринбург, просп. Ленина, д. 51, ком. 306
Россия/Russia
berezovich@yandex.ru

Валерия Станиславовна Кучко

Уральский федеральный университет, Департамент "Филологический
факультет" Института гуманитарных наук и искусств,
аспирант кафедры русского языка и общего языкознания
620000 Екатеринбург, просп. Ленина, д. 51, ком. 306
Россия/Russia
kuchko@inbox.ru

Received July 23, 2016